

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет политологии

Кафедра политических институтов  
и прикладных политических исследований

Выпускная квалификационная работа

(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

НА ТЕМУ:

«ТЕХНОЛОГИИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК  
НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ  
НА 70-Й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН  
В СЕНТЯБРЕ 2015 ГОДА»

По основной образовательной программе высшего образования бакалавриата  
«Политология» по направлению 030200 «Политология»

Соловьевой Татьяны Федоровны

Рецензент

Научный руководитель

Лукьянова Г.В.

Негров Е.О.

кандидат политических наук,  
старший преподаватель

кандидат политических наук,  
доцент

Наличие неправомерных заимствований (%) \_\_\_\_\_

Санкт-Петербург

2016

## СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	7
1.1. Политический дискурс: понятие, подходы и функции.....	7
1.2. Основные дискурсивные практики в публичных выступлениях политических лидеров.....	18
1.3. Методология дискурс-анализа.....	29
ГЛАВА 2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЛИДЕРОВ РОССИИ, США И УКРАИНЫ НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН В СЕНТЯБРЕ 2015 ГОДА.....	36
2.1. Особенности дискурсивных практик в выступлении В. В. Путина.....	38
2.2. Особенности дискурсивных практик в выступлении Б. Обамы.....	51
2.3. Особенности дискурсивных практик в выступлении П. А. Порошенко.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	79

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность** темы ВКР обусловлена процессами трансформации, происходящими в социально-политической жизни общества, которые влекут за собой изменения и в сфере политической коммуникации. Изучение языка политики в настоящее время представляет особый интерес, ведь язык есть одна из форм подачи актуальной информации и, что немаловажно, инструмент формирования имиджа и борьбы за власть. Задавая тематику публичного выступления, способ построения текста, используя определенные лексические, грамматические, синтаксические приемы, говорящий воздействует на его понимание адресатом, реализуя при этом основные функции политического дискурса – убеждение и формирование определенного отношения и оценок к политическим событиям. «Политическая власть держится на власти воздействия, на управлении людьми разных политических ориентаций, а управление осуществляется через слово»<sup>1</sup>. Очевидной становится необходимость обнаружить специфические приемы построения публичного политического выступления, которые позволяют тонко использовать способы речевого воздействия на аудиторию, а значит, вести к достижению желаемых результатов. Поэтому анализ политического дискурса глав государств как ключевых участников мировой политики представляет особый интерес.

**Степень научной разработанности проблемы.** Среди политологов, лингвистов и социологов, занимающихся проблемами теории дискурса, в том числе и политического, можно назвать как зарубежных (Р. Водак, Т. ван Дейк, Л. Филлипс и М. В. Йоргенсен, Н. Фэркло, Ж. К. Чалаби<sup>2</sup>), так и отечественных

---

<sup>1</sup> Пустовар Е. А. Роль комического в политическом дискурсе. // Лаборатория Информационно Психологических Технологий Александра Потеряхина, 2016. – URL: <http://labipt.com/comic-role-in-political-discourse/>. (14.03.2016).

<sup>2</sup> Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Карасика В. И., Трошиной Н. Н. Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с. ; Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с. ; Fairclough N. Language and Power. L.: Longman, 1989. – 259 p. ; T. van Dijk. Discursive analyzes of news // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research / Edited by K. Bruhn Jensen. L.: Longman, 1999. Vol.5. P.32-37. ; Chalaby J. K. Beyond the prison-house of language: Discourse as a sociological concept // The British Journal of Sociology. Vol. 47. No. 4 (Dec. 1996). P.684-698. URL:

(Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, О. Ф. Русакова, Е. И. Шейгал<sup>3</sup>) исследователей.

Различным аспектам политического дискурса в последние несколько лет посвящено множество публикаций и научных трудов, в том числе таких исследователей, как М. Б. Ворошилова, Т. И. Никишина, Г. В. Пушкарева, Д. В. Чайковский<sup>4</sup>. Особый интерес вызывает монография Ю. В. Клюева<sup>5</sup>, изданная в 2016 году, в которой проведен анализ публичных текстов субъектов политического взаимодействия и показана взаимосвязь политического дискурса и социальной информации.

Особую значимость для данной работы представляют труды, посвященные использованию дискурс-анализа как метода исследования в политической науке, таких авторов как Т. ван Дейк, Л. Филлипс и М. В. Йоргенсен, Н. Фэркло<sup>6</sup>.

Актуальность темы данного исследования, ее научная и практическая значимость определили объект, предмет, цель и задачи настоящей работы.

**Объект исследования** – дискурсивные практики, реализуемые в процессе политической коммуникации.

[https://www.researchgate.net/publication/270192993\\_Beyond\\_the\\_Prison-House\\_of\\_Language\\_Discourse\\_as\\_a\\_Sociological\\_Concept](https://www.researchgate.net/publication/270192993_Beyond_the_Prison-House_of_Language_Discourse_as_a_Sociological_Concept) (17.02.2016).

<sup>3</sup> Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с. ; Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С.32-43. ; Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса. – Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 26-43. ; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 10.02.19 - М.: РГБ, 2005. URL: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EVD/10.02.00/020004014.pdf> (30.01.2016).

<sup>4</sup> Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 194 с. ; Никишина Т. И. Функции политического дискурса как основные пути манипуляции политическим сознанием // Язык. Культура. Общество. Вып.3. Саранск, 2011. – С.119-121. ; Пушкарева Г. В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественные науки и современность. Российский политический процесс, 2013. № 5. С.90-100. ; Чайковский Д. В. Манипулятивный дискурс как способ воспроизводства власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С.185-188.

<sup>5</sup> Клюев Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 263 с.

<sup>6</sup> Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с. ; Fairclough N. Language and Power. L.: Longman, 1989. – 259 p. ; T. van Dijk. Discursive analyzes of news // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research / Edited by K.Bruhn Jensen. L.: Longman, 1999. Vol.5. P.32-37. ; Fairclough N. Language and Power. L.: Longman, 1989. – 259 p.

**Предмет исследования** – технологии дискурсивных практик в публичных выступлениях политиков.

**Цель** настоящей работы состоит в выявлении технологий дискурсивных практик в выступлениях лидеров России, США и Украины на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Публичная политическая речь рассматривается нами как особый жанр дискурса, направленный на формирование в обществе определенного отношения к тем или иным явлениям политической жизни. Необходимо отметить, что в цель работы не входит оценка степени рационального и эмоционального воздействия, которое оказывается говорящими в процессе политической коммуникации.

Поставленная цель реализуется путем выполнения следующих **задач**:

- 1) рассмотреть основные подходы к понятию «дискурс»;
- 2) представить понятие политического дискурса и его функции;
- 3) охарактеризовать дискурсивные практики, используемые в публичном выступлении;
- 4) определить технологии их реализации на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях текста;
- 5) выявить приемы речевого воздействия в публичных выступлениях Владимира Путина, Барака Обамы и Петра Порошенко на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 года.

**Теоретико-методологическую базу** исследования составляют труды зарубежных и отечественных исследователей, в той или иной степени затрагивающие исследуемую проблематику.

В качестве **методов исследования** используются общенаучные принципы сравнительного анализа, а также методы критического дискурс-анализа, элементы когнитивного картирования и контент-анализа.

Так как проблема, исследуемая в данной работе, носит прикладной характер, для ее всестороннего изучения, помимо теоретических конструкций, необходимы эмпирические данные. **Эмпирическую базу** исследования составили тексты выступлений Владимира Путина, Барака Обамы и Петра

Порошенко на заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Анализ дискурса названных политических лидеров вызывает у нас особый интерес, поскольку между представляемыми ими странами сложился неразрешенный к настоящему моменту узел проблем. Трибуна ООН является тем инструментом, который позволяет президентам быть услышанными за пределами своих государств и донести свои послы до мировой общественности.

**Научная новизна** работы состоит в том, что дискурсивные практики впервые исследуются на примере выступлений глав государств на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Кроме того, нами выявлены особенности отражения событий мировой политики в дискурсе Владимира Путина, Барака Обамы и Петра Порошенко в ходе общих прений на заседании Генассамблеи в сентябре 2015 года.

**Практическая значимость** определяется возможностью применить полученные в ходе данной работы результаты для разработки академических курсов по политическому дискурсу и политической коммуникации. Также полученные результаты могут представлять особый интерес для спичрайтеров, имиджмейкеров, политических консультантов и специалистов по связям с общественностью.

## ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

### 1.1. Политический дискурс: понятие, подходы и функции

Существует три «класса» употребления слова «дискурс». Первый класс – лингвистический: основывается на определении, данном З. Харрисом в статье «Дискурс-анализ». Под дискурсом исследователь понимает «последовательность предложений, произнесенную или написанную одним или более человеком в конкретной ситуации» («the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation»<sup>7</sup>). Этот класс восходит, прежде всего, к англоязычной научной традиции, однако к нему также относится понимание дискурса и Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь»<sup>8</sup>. В данных трактовках разводятся понятия дискурса и текста. Например, не представляется возможным причислить к дискурсу древние тексты, так как неизвестна та жизнь, в которую была погружена речь, дошедшая до нас в письменном источнике.

Второй класс употребления термина «дискурс» вышел за рамки науки и широко распространён в публицистике. Истоки его можно найти в работах французских структуралистов и постструктуралистов, таких как М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Пеше<sup>9</sup>. В их понимании конкретная разновидность дискурса задаётся параметрами: языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой, спецификой тематики, систем убеждений и способов рассуждения в конкретную историческую эпоху. Для

<sup>7</sup> Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. №1. P. 3.

<sup>8</sup> Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.

<sup>9</sup> См.: Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический прехт, 2000. – 495 с. – («Концепции») / Пер. с фр. Д. Ю. Крылечкина ; Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Составитель, отв. редактор Г. К. Косиков. Пер. с фр. Г. К. Косиков и Б. П. Нарумова. М.: РОССПЭН, 2004. – 265 с. ; Пеше М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 302-336. ; Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. – 416 с.

структуралистов и постструктуралистов дискурс (а также часто заменяющий его термин «дискурсивные практики» у Фуко) – это совокупность идеологии и стилистической специфики речи. Понятие дискурса в данных теориях несводимо к языку как к знаковой системе. Это не просто совокупность знаков, а практика, которая формирует объекты, о которых дискурсы «говорят». Исследователи в рамках данного подхода пытаются ответить на вопросы, кому принадлежит дискурс и какой он, подчеркивая своеобразие субъекта коммуникации.

Третий класс употребления категории «дискурс» появился в науке благодаря трудам Ю. Хабермаса, в частности, его работе «Моральное сознание и коммуникативное действие». Ученый впервые связал понятие дискурса с теорией социального действия, а также выделил понятие «дискурсного общения», которое рассматривал как «особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т. п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации»<sup>10</sup>. Противопоставляя эгоистическому поведению индивида в условиях рационального выбора и конкуренции «этику дискурса», Хабермас полагает, что в процессе коммуникации Другой вовлекается в обсуждение посредством риторического влияния и убеждения, но не силовыми методами<sup>11</sup>.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «язык реализует мир в двояком смысле слова: он его постигает, и он его производит. Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом к лицу индивидуального существования. Иными словами, люди постоянно производят свой социальный мир не только благодаря своим действиям, но и благодаря языку; сама «проговоренность» делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует»<sup>12</sup>, значит, реальность ежедневно создается

---

<sup>10</sup> Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: Пер. с нем. / Под ред. Складнева Д. В., СПб.: Наука, 2000. С.44.

<sup>11</sup> Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб: Наука, 2008. - 424 с.

<sup>12</sup> Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. С.104.



людьми в процессе их взаимодействий друг с другом, и дискурс, очевидно, участвует в этом процессе.

«В лексиконе лингвиста «дискурс» обозначает конкретную материализацию языка» («In the linguist's lexicon, «discourse» designates a particular materialization of language»)<sup>13</sup>. Тексты, таким образом, могут приобретать совершенно различные формы (от письменных и устных до символических) и анализироваться как некое материальное воплощение дискурса.

Определение, данное Н. Д. Арутюновой, говорит о дискурсе как о связном тексте «в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, речь, погруженная в жизнь»<sup>14</sup>. Он понимается как речь, которая вписана в конкретную коммуникативную ситуацию, а значит, неразрывно связанная с ее социальным содержанием.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о достаточно широком поле определений понятия дискурс, но мы выделим два основных направления. Согласно первому дискурс есть особая организация элементов в тексте, определенная последовательность высказываний, которые связаны между собой по смыслу. В соответствии со вторым – это форма выражения, основной целью которого является передача адресату нужного содержания. На этот подход мы и будем опираться в данной работе, поскольку его применение целесообразно при анализе дискурса как способа воздействия на сознание аудитории путем особых приемов и технологий.

Ю. В. Ключев, опираясь на работу М. Р. Душкиной, пишет, что «большой вклад в изучение дискурса политической коммуникации внесла современная психологическая наука. М. Р. Душкина характеризует дискурс как целостную

---

<sup>13</sup> Chalaby J. K. Beyond the prison-house of language: Discourse as a sociological concept // The British Journal of Sociology. Vol.47. No. 4 (Dec. 1996). P.685. URL: [https://www.researchgate.net/publication/270192993\\_Beyond\\_the\\_Prison-House\\_of\\_Language\\_Discourse\\_as\\_a\\_Sociological\\_Concept](https://www.researchgate.net/publication/270192993_Beyond_the_Prison-House_of_Language_Discourse_as_a_Sociological_Concept) (17.02.2016).

<sup>14</sup> Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.136-137.

систему со сложноорганизованной структурой: «В контакте коммуникации дискурс есть целенаправленное действие, обращенное к ситуации и к собеседникам и предпринятое для достижения целей этой коммуникации. Собеседники в ее процессе вступают в социальное взаимодействие, оказывают воздействие, реализуют власть»<sup>15</sup>.

Из этого положения можно сделать вывод о междисциплинарном характере теории политического дискурса, возникающей на стыке многих дисциплин (политологии, лингвистики, филологии, психологии) и охватывающей сферы политической коммуникации, социальной лингвистики, риторики.

Согласно В. И. Герасимову и М. В. Ильину, политика организуется именно политическим дискурсом<sup>16</sup>.

Политический дискурс может рассматриваться как минимум с трех точек зрения:

- чисто филологической – как любой другой текст; однако, исследователь также обращает внимание и на определенный фон – политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора;
- социопсихолингвистической – оцениваются и выявляются открытые и скрытые цели говорящего;
- индивидуально-герменевтической – при выявлении личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах (в рамках этого подхода часто применяют метод интенционального анализа для выявления неочевидных намерений автора)<sup>17</sup>.

На сегодняшний день единого общепринятого определения политического дискурса не существует.

<sup>15</sup> Ключев Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – С.25.

<sup>16</sup> Герасимов В. И., Ильин М. В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. 2002. № 3. С.68-75.

<sup>17</sup> См.: Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С.32-43.

М. Б. Ворошилова в работе «Политический креолизованный текст: ключи к прочтению» развивает тезис Т. ван Дейка, который полагает, что «разница между дискурсом и текстом состоит в том, что дискурс – актуально произнесенный текст, а текст – это абстрактная грамматическая структура произнесенного...»<sup>18</sup>. Она пишет, что дискурс, в том числе и политический, всегда шире текста и никогда им не ограничивается, «а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний»<sup>19</sup>. Очевидно, что текст или речь всегда вписаны в социальный контекст и не могут существовать и толковаться отдельно от него. Текст и реальность находятся в тесной взаимосвязи.

Е. И. Шейгал считает, что политический дискурс, как и другие виды дискурса, имеет два измерения: реальное и виртуальное<sup>20</sup>. Под реальным измерением исследователь понимает не только текущую речевую деятельность субъекта в социальном пространстве, но и возникающие в результате ее речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Виртуальное же измерение дискурса, по мнению Е. И. Шейгал, отличается тем, что включает вербальные и невербальные знаки коммуникации, специфичные для данного вида общения. Язык политики в ее трактовке нечто структурированное, содержащее термины, понятия и символы, и интерпретировать его возможно рассматривая оба измерения в тесной взаимосвязи.

Ю. А. Сорокин раскрывает понятие политического дискурса, прежде всего, через его соотношение с дискурсом идеологическим: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а

---

<sup>18</sup> Ключев Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – С.25.

<sup>19</sup> Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – С.79.

<sup>20</sup> См.: Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 10.02.19 - М.: РГБ, 2005. URL: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf> (дата обращения 30.01.2016).

идеологический – имплицитно прагматичен. Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид дискурса – метадискурс»<sup>21</sup>. Политический дискурс не существует без идеологической составляющей, именно поэтому он является составной частью дискурса идеологического. Кроме того, исследователь полагает, что политический дискурс подразумевает борьбу за власть номинаций или обозначений, а значит и борьбу за фундаментальные групповые ценности.

Г. В. Пушкарева утверждает, что «политический дискурс – смысловые значения, рождающиеся в ходе взаимодействий людей в пространстве политических отношений и с помощью которых формируется некоторая система правил интерпретации политических объектов, действий политических акторов, обеспечивающая взаимопонимание участников взаимодействий»<sup>22</sup>. Согласно ее трактовке политический дискурс есть не только транслируемая в процессе общения информация. Он сам по себе содержит намеки и указания на то, как эта информация должна быть воспринята и понята.

Исследователь также предлагает типологию политического дискурса. Г. В. Пушкарева выделяет следующие его виды:

- 1) теоретический (сообщения, в которых интерпретируются содержание политических понятий, схемы и модели функционирования политической системы, факторы политических процессов, причинно-следственные связи и зависимости);
- 2) ценностно-нормативный (циркулирующие в обществе мнения, суждения о значимости тех или иных политических объектов и действий);
- 3) практический (рефлексия на политические события, на действия других людей), который «позволяет постоянно актуализировать в сознании людей представления о смысловых значениях политических действий, создавать эффект присутствия политических объектов, он постоянно

---

<sup>21</sup> Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С.57.

<sup>22</sup> Пушкарева Г.В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественный науки и современность. Российский политический процесс. 2013. № 5. С.96.

напоминает людям, что мир политики реален, существует во времени и пространстве»<sup>23</sup>.

Вышеупомянутая типология политического дискурса, как нам представляется, наиболее точно отражает специфику широкого толкования данного понятия, поскольку позволяет охарактеризовать его с разных точек зрения.

Опираясь на работы Е. И. Шейгал, А. П. Чудинова и Э. В. Будаева и систематизируя их, Б. М. Шакова выделяет несколько подходов к исследованию политического дискурса:

1) узкий (анализ текстов, созданных непосредственно политическими деятелями) и широкий (анализ любых текстов политической тематики) подходы;

2) полевой (объектом исследования здесь становятся стенограммы, публичные выступления и интервью политических лидеров, а также тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством СМИ);

3) сопоставительный (выявляет национальные особенности в восприятии языка политической действительности);

4) когнитивный (изучению подвергаются политические концепты, фреймы, ментальные схемы и тактики речевого поведения);

5) дескриптивный (акцент на выявлении языковых средств и способов убеждения и манипуляции);

6) критический (анализ способов осуществления социального неравенства, которое выражается в языке или дискурсе);

7) риторический (единицы языка рассматриваются как средства передачи мысли)<sup>24</sup>.

Как отмечает автор, «подходы не противоречат друг другу и часто используются комплексно, создавая условия для многоаспектного

---

<sup>23</sup> Пушкарева Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политич. наук. М., 2004. С.21.

<sup>24</sup> См.: Шакова Б. М. Различные подходы к исследованию политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (27), 2013. Ч.1. С.195-197.

исследования политического дискурса»<sup>25</sup>. В данной работе анализу будут подвергаться речевые тактики и языковые средства, используемые политическими лидерами России, США и Украины, в которых находит отражение связь политического дискурса и социальной практики. Поэтому нами будут использованы когнитивный, дискриптивный и критический подходы к исследованию политического дискурса.

Насколько многогранны трактовки и подходы к политическому дискурсу, столь же разнообразны и функции, которые он выполняет.

Австрийским лингвистом Р. Водак выделяются следующие:

- 1) персуазивная;
- 2) информативная;
- 3) аргументативная;
- 4) персуазивно-функциональная;
- 5) делимитативная;
- 6) групповыделительная<sup>26</sup>.

Кроме того, исследователь отмечает, что «политический язык должен выполнять противоречивые функции, в частности быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)»<sup>27</sup>. Это обусловлено, как нам представляется, некой двойственностью того языка, который используется политиками: с одной стороны, он должен быть «сухим», объективным, наполненным терминами и особыми понятиями, с другой – ему необходимо подстраиваться под определенную социальную группу или аудиторию, которая в конкретный момент воспринимает информацию.

Ссылаясь на работы других зарубежных исследователей, Т. И. Никишина пишет, что «наряду с информационной функцией [выделяются] также

---

<sup>25</sup> Там же.: С.197.

<sup>26</sup> См.: Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Карасика В. И., Трошиной Н. Н. Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

<sup>27</sup> Там же.: С.49.

контролирующая функция (манипуляция сознанием и мобилизация к действию), интерпретационная функция (создание «языковой реальности» поля политики), функция социальной идентификации (дифференциация и интеграция групповых агентов политики) и атональная функция»<sup>28</sup>.

«Цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, – пишут Т. А. Коновалова и О. Г. Орлова, – а поскольку власть реализуется в институтах, то политический дискурс – дискурс институциональный, который происходит в соответствии со статусно-ролевыми отношениями агентов и клиентов дискурса»<sup>29</sup>.

Аналогичной позиции придерживается Е. И. Шейгал и в качестве основной функции политического дискурса называет использование его как инструмента борьбы за власть<sup>30</sup>. Аспекты проявления этой функции довольно разнообразны, и Е. И. Шейгал группирует их в 5 блоков, «в рамках которых они связаны либо отношением противопоставления (1, 2), либо отношением логического следования (3, 4, 5):

- 1-й – интеграции и дифференциации групповых агентов политики;
- 2-й – атональности и гармонизации (конфликт и консенсус);
- 3-й – акциональной и информационной функций (осуществление политиками политических действий и информирование о них);
- 4-й – интерпретации и ориентации (создание «языковой реальности» поля политики и обеспечение существования в данной реальности);
- 5-й – контролирующей и побудительной функций (манипуляция сознанием и стимулирование действий электората)»<sup>31</sup>.

<sup>28</sup> Никишина Т. И. Функции политического дискурса как основные пути манипуляции политическим сознанием // Язык. Культура. Общество. Вып.3. Саранск, 2011. С.120.

<sup>29</sup> Коновалова Т. А., Орлова О. Г. Политический стиль В. В. Путина как элемент дискурс-анализа (на примере выступления в рамках встречи Валдайского клуба) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (96). С.89.

<sup>30</sup> Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса [Электронный ресурс]: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 10.02.19 - М.: РГБ, 2005. – 434 с. URL: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf> (30.01.2016).

<sup>31</sup> Там же.: С.57-58.

Поскольку одной из целей политического дискурса является формирование в обществе необходимых мыслей и оценок, то упоминание о функции убеждения также не может быть проигнорировано нами.

Специфичность политического дискурса заключается в том, что он помогает осуществлять политику и достигать политических целей, а значит, управление политическим сознанием будет происходить благодаря всем вышеперечисленным функциям. Говорящий, описывая наблюдаемое, использует в речи элементы языка, которые подстраиваются под фоновые знания слушателя. Так происходит конструирование особой реальности – дискурса, в мире политики – дискурса политического.

Таким образом, опираясь на вышеизложенные трактовки, мы определим политический дискурс как особый вид дискурса, который реализуется в сфере внутри- и внешнеполитической деятельности через статусно-ролевые отношения, обладает высокой коммуникативной направленностью и ориентацией на речевое воздействие. Политический дискурс является объектом пристального внимания со стороны многих исследователей, поскольку эта область знания характеризует процесс политической коммуникации. Учитывая описанные нами особенности, функции политического дискурса, можно говорить о том, что это многослойное коммуникативное явление, тесно связанное с определенными историческими и социальными условиями. Именно поэтому в данной работе мы будем опираться на вышеизложенную точку зрения М. Б. Ворошиловой, раскрывающей взаимосвязь политического дискурса и социального фона. Очевидно, что текст или речь всегда вписаны в социальный контекст и не могут существовать и толковаться отдельно от него. Текст и реальность находятся в тесной взаимосвязи.

Политический дискурс, актуализируя язык, воспроизводит власть, изменяет и поддерживает отношения подчинения/доминирования в обществе, и в следующем параграфе мы более подробно остановимся на тех дискурсивных практиках и речевых технологиях, использование которых в выступлениях



политиков формирует тематику политической коммуникации, оказывает воздействие на аудиторию и управляет восприятием действительности.

## 1.2. Основные дискурсивные практики в публичных выступлениях политических лидеров

Политический дискурс, несомненно, обладает манипулятивным потенциалом: в каждом акте общения видится процесс управления деятельностью собеседника посредством формирования в его сознании определенных установок, и это одна из отличительных черт политического дискурса – внушение аудитории – «гражданам общества – необходимости «политически правильных» действий и/или оценок»<sup>32</sup>.

Г. Н. Парастаев утверждает, что «большинство населения, вне зависимости от государства, не может осуществить политический выбор на основе учета своих собственных интересов»<sup>33</sup>. Причиной тому можно назвать низкую политическую культуру, отсутствие умения проанализировать собственный выбор и его последствия. Именно поэтому «умело применяя язык, власть с легкостью «жонглирует» понятиями, категориями, идеями, трансформируя существующие концепты в свою пользу. Простейшим методом языкового влияния является использование нужных выражений и слов»<sup>34</sup>. С точки зрения политики их выбор для обозначения того или иного процесса или явления является важным инструментом власти. Действительно, регулярно меняющаяся политическая и социальная обстановка в мире нуждается в постоянной аргументации и актуализации в массовом сознании. Осуществить их можно с помощью языка, который, сам по себе являясь подвижной и изменчивой системой, чутко реагирует на подобные трансформации.

---

<sup>32</sup> Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С.37.

<sup>33</sup> Парастаев Г. Н. Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе (на примере публичных выступлений политических деятелей США) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. Вып.3, 2011. С.97.

<sup>34</sup> Чайковский Д. В. Манипулятивный дискурс как способ воспроизводства власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч.II. С.186.

Политический дискурс оказывает воздействие на аудиторию и управляет восприятием действительности с помощью особых приемов и речевых средств. Они характеризуются рядом особенностей: целенаправленны, зачастую скрыты и ориентируются на массового адресата.

Речи политиков неизбежно затрагивают чувства и моральные установки адресата. И не всегда для этого необходима четкая аргументация и логика текста. Цель политического дискурса – убеждение, для чего политик насыщает свою речь символами, которые и будут воздействовать на сознание адресата, затрагивать его, зачастую, иррациональные стороны. Эмоциональное воздействие, в этой связи, наиболее эффективно.

Д. В. Чайковский разделяет символы, которыми оперирует опытный политик, на две группы: «Презентационный символизм власти, – пишет он, – предполагает существование символов, не имеющих языковой формы»<sup>35</sup>. К этой группе мы можем отнести, к примеру, инсигнии, одежду, манеру речи, походку, жесты и позы человека, и также чины и должности, научные степени и особые звания. А вот вторая группа – это дискурсивные символы<sup>36</sup> – язык и речевые приемы.

Проводя исследования, ученые описывают речевое поведение политика, проявляемое им в процессе политической деятельности, и пытаются ответить на вопросы: с помощью каких лингвистических средств происходит управление процессом восприятия и какие возможности для управления сознанием заложены в языке? Роль языка, в этой связи, представляет особый интерес для научного исследования, ведь, по меткому замечанию Н. Э. Гронской, «язык умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать»<sup>37</sup>.

---

<sup>35</sup> Чайковский Д. В. Манипулятивный дискурс как способ воспроизводства власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч. II. С.185.

<sup>36</sup> Указ. соч.

<sup>37</sup> Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестник Нижегородского лингвистического университета, 2000. С.221. URL: [http://www.unn.ru/pages/-vestniki\\_journals/9999-0200\\_West\\_MO\\_2003\\_1/22.pdf](http://www.unn.ru/pages/-vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/22.pdf) (23.01.2016).

Исследование дискурсивных практик началось с трудов М. Фуко. Автор рассматривал их как разновидности технологий управления, с помощью которых различные силы пытаются реализовать свои проекты и программы<sup>38</sup>.

Что же мы будем понимать под «дискурсивной практикой»?

Дискурсивную практику можно определить как упорядоченный набор соответствующих элементов: текста, правил его построения, использованных речевых приемов, целей говорящего и ожиданий аудитории, способов трансляции информации. Дискурсивные практики, получая свою реализацию в политическом дискурсе, направлены на трансформацию действительности, служащей его основой в определенный временной период.

Технологии дискурсивных практик есть особое использование субъектом слов, формулирование им словосочетаний и других речевых структур, построение высказываний, имеющее целью управление восприятием действительности целевой аудитории. Это могут быть и лексический, и грамматический, и синтаксический уровни языка. Как правило, изолированно друг от друга они не употребляются, а выступают в связке с иными средствами воздействия: мимикой, жестами, интонацией, тембром голоса и т. д.

Уайтхэд полагает, что «язык воплощается в трех аспектах: первый – через значения слов, второй – грамматические формы, третий – значения, скрывающиеся за пределами слов и грамматических форм» («Language delivers its evidence in three chapters, one on the meanings of words, another on the meanings enshrined in grammatical form, and the third on the meanings beyond individual words and beyond grammatical form...»<sup>39</sup>). Таким образом, подбирая выражения, используя определенные грамматические формы слов, фигуры речи и синтаксические конструкции в публичном выступлении, можно успешно реализовать основные стратегии политического дискурса.

<sup>38</sup> См.: Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 уч. г. - СПб. : Наука, 2004. - 432 с.

<sup>39</sup> Цит. по: Chia R. Discourse analysis as organizational analysis // Organization. L.: Vol.7 (3). P.516. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.457.2745&rep=rep1&type=pdf>

Под понятием «стратегия» мы будем вслед за О. Н. Паршиной понимать «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации»<sup>40</sup>. Исследователь выделяет следующие ее виды:

- самопрезентации;
- дискредитации;
- нападения;
- самозащиты;
- формирования эмоционального настроения адресата;
- информационно-интерпретационную;
- аргументативную;
- агитационную;
- манипулятивную<sup>41</sup>.

Стратегии опираются на осознанный субъектом коммуникации выбор текстуальных и грамматических категорий, восприятие которых аудиторией и обеспечивает соответствующий эффект.

Чтобы выявить ту или иную стратегию, используемую в публичном выступлении, следует определить не только цель коммуникации, но и тактики, используемые для ее реализации. Мы, как и О. Н. Паршина, определим их как особый «выбор и последовательность речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках реализуемой коммуникативной стратегии»<sup>42</sup>.

Классификацию стратегий и тактик, используемых в политическом дискурсе, предложила также и О. Л. Михалева. Она выделяет:

1. Стратегию на понижение:

А) тактику анализ – «минус» (негативное описание ситуации, демонстрация автором своего отношения к описываемому);

---

<sup>40</sup> Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2005. С.19.

<sup>41</sup> Указ. соч.

<sup>42</sup> Там же. С.22

Б) тактику обвинения (приписывание вины, вырисовывание образа оппонента в негативном свете);

В) тактику обличения (обвинение оппонента путем приведения доказательств);

Г) тактику оскорбления (унижение оппонента);

Д) тактику угрозы (запугивание оппонента).

2. Стратегию на повышение:

А) тактику анализ – «плюс» (транслирование положительного отношения к описываемому);

Б) тактику презентации (представление какого-либо лица в положительном свете);

В) отвод критики (приведение оправдательных аргументов).

3. Стратегию театральности:

А) тактику побуждения (стремление говорящего склонить аудиторию к своей точке зрения, призывать к совершению действий);

Б) тактику размежевания (выстраивание оппозиции «мы – они»);

В) тактику обещания<sup>43</sup>.

Н. М. Самсон же пишет о стратегиях и тактиках в метафоричной форме, называя их «приклеивание или навешивание ярлыков»; «сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность»; «перенос» или «трансфер»; «ссылка на авторитеты», «по рекомендации»; «свидетельства» или «свидетельствование»; «свои ребята», или «игра в простонародность»; «общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром»<sup>44</sup>.

Предложенные российскими исследователями О. Н. Паршиной и О. Л. Михалевой стратегии и тактики, на наш взгляд, отражают основные особенности политических текстов. Их анализ позволяет выявить воздействующий потенциал дискурсивных практик. Однако следует сказать, что их реализация напрямую зависит от речевых приемов и языковых средств,

<sup>43</sup> См.: О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. – 256 с.

<sup>44</sup> Самсон Н. М. Как Путин завербовал Крым: Анализ речи 18 марта 2014 г. URL: [http://labipt.com/ Как-Путин-завербовал-Крым-Анализ-речи-1/ \(08.02.2016\)](http://labipt.com/Как-Путин-завербовал-Крым-Анализ-речи-1/(08.02.2016)).

активно использующихся в процессе политической коммуникации, а именно в публичных выступлениях политиков.

Дж. Серль, например, выделяет особые виды высказываний, к которым прибегают политики в рамках публичных выступлений<sup>45</sup>:

- 1) репрезентативы – высказывания, направленные на закрепление ответственности говорящего за свои суждения;
- 2) директивы – выражают стремление говорящего побудить слушателей к совершению определенных действий (или бездействию);
- 3) комиссивы – закрепляют обещание говорящего придерживаться определенной линии поведения;
- 4) экспрессивы – служат для выражения эмоций и оценок говорящего;
- 5) декларации – констатируют настоящее положение дел.

Использование в политических текстах подобных речевых структур помогает эффективно воздействовать на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата, четко донести до него собственную точку зрения.

Цитирование используется политиками как для подтверждения собственных мыслей (цитата-аргумент), так и для того, чтобы пояснить какой-либо вопрос (цитата-пример). Кроме того «чужая речь» является средством воздействия на аудиторию: можно очернить соперника или идеализировать союзника. Посредством цитат и ссылок говорящий стремится сформировать общественное мнение, повысить доверие к транслируемой им информации (цитата-заместитель).

Существует особый термин «интертекстуальность», введенный Ю. Кристевой<sup>46</sup>. Он обозначает свойства текстов, заключающиеся в наличии между ними связей, благодаря которым они могут ссылаться друг на друга.

Российский исследователь А. П. Чудинов полагает, что политический текст часто насыщен скрытыми и явными цитатами, и понять его возможно

<sup>45</sup> См.: Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. №17. С.170-194.

<sup>46</sup> См.: Кристева Ю. Семиотика. Исследование по семианализу. М.: Академический Проект. 2013. — 289 с.

только в дискурсе, актуализируя в сознании множество других фактов. Таким образом, под интертекстуальностью ученый понимает «присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и – шире – как элемента национальной культуры»<sup>47</sup>.

Интертекстуальные ссылки, как утверждает Н. А. Купина, способны выполнять различные функции:

- 1) экспрессивную (самовыражение автора);
- 2) апеллятивную (отсылки предназначаются для конкретного адресата);
- 3) поэтическую (цель – разнообразить речь)<sup>48</sup>.

С целью усиления воздействия на публику, для оживления речи политики зачастую прибегают к использованию острот или шуток. Комичность несет в себе особый сигнал и привлекает внимание аудитории. Предметом осмеяния может стать конкретный человек, его качества или политическая деятельность. По мнению М. Р. Желтухиной, комическое в политическом дискурсе отличается тем, что направлено, прежде всего, против лиц, претендующих на авторитет, а именно против политиков<sup>49</sup>. Однако прибегают к подобной технологии и с целью скрыть собственные истинные намерения.

А. В. Карасик определяет комический дискурс как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения». По мнению исследователя, его отличают «1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; 2) юмористическая тональность общения, т. е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты; 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре»<sup>50</sup>.

<sup>47</sup> Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С.138.

<sup>48</sup> См.: Купина Н. А. Филологический анализ художественного текста. М.: Флинта. 2003. - 205 с.

<sup>49</sup> См.: Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2000. – 250 с.

<sup>50</sup> Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – С.105-106.



Политический текст, особенно тот, который произнесен публично, имеет тесную связь с общественной жизнью, и требования официально-делового стиля зачастую нарушаются: в тексты политической тематики проникают эмоционально-оценочные слова. Они служат не только для обозначения, номинации предметов, событий, явлений, но и выражения отношения говорящего к ним в краткой, но очень меткой форме.

Е. А. Пустовар в статье «Функционирование эмоционально-оценочной лексики в политическом тексте» выделяет следующие ее разновидности:

- 1) слова с ярким оценочным значением;
- 2) многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении;
- 3) слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства<sup>51</sup>.

Воздействие может оказываться с помощью таких языковых средств как разговорные, бранные слова, просторечия, жаргонизмы и неологизмы. Однако нужно помнить, что обращение к эмоционально-оценочной лексике, стилистически окрашенным словам обусловлено также особенностями авторской манеры преподнесения информации, а значит, не всегда может быть однозначно истолковано и интерпретировано.

Что касается употребления в текстах политиков заимствованных слов, следует отметить, что причинами тому может быть как обоснованная необходимость, когда средствами родного языка обойтись не получается, так и стремление наполнить речь особой выразительностью и новизной. Иностранные заимствования позволяют избежать чрезмерных повторов, и именно поэтому они вносят особую яркость и экспрессию, делая текст более запоминающимся.

---

<sup>51</sup> См.: Пустовар Е. А. Функционирование эмоционально-оценочной лексики в политическом тексте. URL: <http://labipt.com/operation-emotionally-estimated-lexicon-of-political-text/> (19.03.2016).

Чтобы выразить косвенную оценку, в политическом дискурсе используются особые приемы представления информации в завуалированной форме: это могут быть сравнения, аллюзии, эвфемизмы, софистицизмы, перифразы, «слова-амебы»<sup>52</sup> и, конечно же, метафоры. На характеристике последних мы остановимся более подробно.

Поздние исследования показали, что метафоры являются способом отражения и познания действительности: «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична»<sup>53</sup>.

Ф. П. Чудинов, исследуя аспект употребления метафор в политических текстах, выделяет четыре субсферы – источники политической метафоры: «человек», «социум», «природа», «артефакты»<sup>54</sup>. С помощью антропоморфных метафор политическая реальность уподобляется миру людей и анализируется через понятия болезни, физиологии, семьи и т. п. Природные метафоры позволяют прибегнуть к сравнениям политических реалий с миром, окружающим человека. Социальные – воспринять политику через концепты войны, мира, игры, спорта и т. д. Через артефактные метафоры политические процессы и события представляются как то, что создано человеком. Таким образом, метафоры позволяют выразить оценку говорящего, упростить преподнесение информации, внести в текст некоторую экспрессивность. Кроме того, они способны вызывать в сознании аудитории ассоциативные ряды и эмоциональное напряжение.

Усилить эффект обратной связи, «быть ближе к народу» позволяет использование фразеологизмов, пословиц и поговорок. Они придают речи

<sup>52</sup> В частности о них говорит С. Г. Кара-Мурза: «Они настолько не связаны с конкретной реальностью, – пишет он, – что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово прогресс)». См.: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. URL: <http://www.karamurza.ru/manipul.htm> (20.02.2016).

<sup>53</sup> Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.25.

<sup>54</sup> Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. – 238 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#20> (19.01.2016).

образность и живость. Кроме того, они легко узнаваемы публикой, а значит, говорящему удержать ее внимание будет легче. Фразеологизмы, пословицы и поговорки представляют собой самостоятельные единицы языка. Устойчивые сочетания слов сами по себе несут большую лексическую нагрузку, поэтому их использование, особенно в публичном выступлении, должно быть четко продумано, чтобы а) не допустить неверного употребления; б) избежать чрезмерного насыщения текста подобными изречениями.

К грамматическим средствам мы отнесем особые грамматические формы слов (например, для реализации стратегии обещания, наверняка, будут использованы глаголы совершенного вида в будущем времени, а для того, чтобы не называть напрямую действующее лицо, будут использоваться глаголы в безличной форме), различные фигуры речи (аллегория, метонимия, синекдоха, аллюзия). Большое значение также будут иметь возвратные и невозвратные глаголы, прием номинализации, позволяющий заменить действие понятием о действии и демонстрирующий некоторую отвлеченность говорящего от политического процесса.

К синтаксическим приемам построения политического текста можно отнести повторы различных уровней (например, синтаксический параллелизм), инверсии, особый порядок следования слов. Порядок частей в сложносочиненных предложениях с сочинительными союзами позволяет продемонстрировать личные приоритеты. Различные вводные и уточняющие конструкции являются средствами установления контакта, а также позволяют выразить собственное отношение к высказываемому. Восклицательные предложения и риторические вопросы также могут рассматриваться как средство экспрессивного синтаксиса: с их помощью происходит формирование эмоциональных оценок, и слушатель как бы вовлекается в процесс рассуждения, побуждаемый к поиску самостоятельного вывода.

В данном параграфе мы определили технологии реализации дискурсивных практик на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях текста, а также охарактеризовали возможные цели использования

различных речевых приемов. Лингвистические компоненты во многом определяют эффективность процесса политической коммуникации: способы речевого воздействия и убеждения в рамках политического дискурса активно претворяются в жизнь, поскольку с их помощью публичное выступление позволяет политику сосредоточить внимание на достигнутых успехах, изложить политические цели, создать позитивный (или негативный) настрой у адресата. И далее мы остановимся на конкретных методах исследования политического дискурса, поскольку его анализ позволит выявить глубинный смысл излагаемой политиками информации.

### 1.3. Методология дискурс-анализа

Дискурс – понятие многогранное, и оно не просто отражает представление людей о мире. Дискурс создает некую символическую реальность. Взаимодействуя между собой, дискурсы порождают социальные и политические изменения, а значит, для практиков будут особенно интересными процессы управления коммуникацией и прогнозирования общественного мнения<sup>55</sup>. Поэтому, как и для любой науки, выбор метода исследования в политологии необычайно важен и сложен и, прежде всего, обусловлен целями исследования.

Количественный и качественный методы анализа в политике зачастую применяются одновременно, поскольку качественный метод является ключевым при интерпретации данных, полученных методом количественным. Однако, как отмечает А. Е. Тетерин, «количественный подход, эффективный для изучения довольно стабильных феноменов, не решает задачу анализа принципиально новых, становящихся качеств реальности»<sup>56</sup>. Политическая реальность динамична: различные событийные и сущностные изменения наполняют ее ежедневно, – а значит, наиболее эффективными методами ее изучения будут методы качественные. И в этой связи, дискурс-анализ как один из методов исследований в науке о политике является достаточно востребованным. Как нам представляется, это связано с тем, что накоплено достаточное количество теоретического и практического опыта в этой области, и исследователи выдвигают положение о зарождении новой научной дисциплины – политической дискурсологии<sup>57</sup>.

---

<sup>55</sup> См.: Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

<sup>56</sup> Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н.Фэркло) // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С.146.

<sup>57</sup> См.: Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С.26-43.

В последние десятилетия складываются множество подходов, предлагающих собственные теоретические модели дискурса и дискурс-анализа, и растет необходимость в комплексном осмыслении данных моделей, выстраивании их в универсальную теорию.

В книге М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс «Дискурс-анализ. Теория и метод» классификация теорий дискурса построена на основе трех теоретико-методологических подходов, которые, по мнению ученых, можно отнести к одной общей междисциплинарной области – социально-конструкционистскому дискурс-анализу: дискурсной теории Лакло и Муфф, критического дискурс-анализа, дискурсивной психологии<sup>58</sup>.

«В основе всех подходов, – согласно авторам книги, – общее представление о том, что наш способ общения не только отражает мир, идентичности и социальные взаимоотношения, но, напротив, играет активную роль в его создании и изменении»<sup>59</sup>. Кроме того, их объединяет также общее происхождение: истоками их стали структуралистские и постструктуралистские трактовки языка как миротворяющей силы.

Раскрывая черты социального конструкционизма как метапарадигмы, объединяющей все три теории дискурса, авторы выделяют и отличительные особенности каждой из теорий: «Каждый подход, – пишут они, – имеет свои собственные философские и теоретические предпосылки, включающие особое понимание дискурса, социальной практики и критики. Эти предпосылки влияют на цели, методы и акценты в эмпирических исследованиях»<sup>60</sup>.

Теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф исходит из того, что дискурсы постоянно вовлечены в борьбу, они конкурируют между собой за придание миру определенных значений, и исследователи трактуют дискурс как открытую структуру, для которой характерно множество таких вариантов значений. Личность является носителем определенной идентичности и как

---

<sup>58</sup> См.: Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

<sup>59</sup> Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С.18.

<sup>60</sup> Там же. С.16.

субъект помещена авторами внутрь дискурса. Когда происходит столкновение между личностями (группами), неизбежно сталкиваются и идентичности. Дискурсивная борьба таких идентичностей может порождать социальные антагонизмы, поскольку в ее основе всегда присутствует понятие «другие». Именно поэтому в теории дискурса Лакло и Муфф политика рассматривается как борьба между дискурсами<sup>61</sup>.

Важной предпосылкой развития направления критического дискурс-анализа можно считать идеи немецкой школы<sup>62</sup>. Критический дискурс-анализ представляет собой теорию и метод исследований между дискурсом и социокультурными явлениями. В центре его рассмотрения находятся проблемы использования речевых конструктов для достижения политических целей. «Термин не имеет четкого и однозначного определения, используется двумя различными способами: для обозначения подхода, разработанного Н. Фэркло, и для достаточно широкого научного течения, включающего несколько различающихся подходов»<sup>63</sup>.

Исследователи О. Ф. Русакова и Е. В. Ишменев рассматривали предпосылки возникновения и основные теоретико-методологические установки критического дискурс-анализа. Основываясь на проведенном анализе, они полагают, что следует выделять несколько течений внутри этого направления:

- французский дискурс-анализ (М. Пешо, П. Серио, Э. П. Орланди, Ж.-Ж. Куртин, Д. Мальдидье);
- критическую лингвистику (Р. Фаулер, Б. Ходж);
- социальную семиотику (Г. Кресс, В. Лиуэн, Л. Чоулиораки);
- социокультурный дискурс-анализ (Н. Фэркло, Р. Водак);

<sup>61</sup> См.: Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

<sup>62</sup> См.: Левшенко Ю. И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. II. С. 100-108.

<sup>63</sup> Пугина Е. И. Применение критического дискурс-анализа в исследовании новых религиозных движений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки, 2011. №4 (24). С. 48.

- социокогнитивный дискурс-анализ (Т. ван Дейк)<sup>64</sup>.

Н. Фэркло, профессор Ланкастерского университета, занимающийся проблемами социолингвистики, полагает, что цель критического анализа дискурса – рассмотреть связь между использованием языка и неравными отношениями власти<sup>65</sup>. Так, объединяющей предпосылкой для указанных выше направлений является то, что в работах исследователей постулируется проблема использования языка как инструмента контроля и власти над обществом.

Дискурс является своеобразным ресурсом для поддержания отношений подчинения между властью и обществом. «Представители критического дискурс-анализа пропагандируют эмпирическое изучение феномена и широко используют лингвистические методы в исследованиях, делая акцент на исследовании текста и речи с целью выявления практик манипулирования общественным мнением»<sup>66</sup>, поскольку власть выстраивает коммуникацию таким образом, чтобы процессы социальной жизни протекали в рамках доминирующего политического дискурса. «Критический дискурс-анализ является «критическим» в том смысле, что направлен на выявление роли дискурсивной практики в поддержании социального устройства, включая социальные отношения с неравным распределением власти»<sup>67</sup>.

Дискурсивная практика в трехмерной модели критического дискурс-анализа Фэркло выступает в качестве посредника между текстом и практикой социальной. Исследователь изучает коммуникативное событие с трех точек зрения:

- 1) текст (речь, письменный источник, визуальное изображение или их сочетание) и процессы его продуцирования;

<sup>64</sup> См.: Русакова О. Ф., Ишменев Е. В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С.36-48.

<sup>65</sup> См. Fairclough N. Language and Power. L.: Longman, 1989. – 259 p.

<sup>66</sup> Левшенко Ю. И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. II. С.103.

<sup>67</sup> Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С.114



- 2) текстовый анализ или дискурсивная практика (лингвистические особенности построения текста);
- 3) социальная практика (выявление широкого социального контекста, в который вписано коммуникативное событие)<sup>68</sup>.

Необходимо отметить, что между направлениями критического дискурс-анализа не существует единообразия в трактовке дискурса как властной силы, считают М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс. Т. ван Дейк, например, в отличие от Н. Фэркло трактует власть не столько как созидающую, прогрессивную силу, сколько как силу репрессивную<sup>69</sup>.

Критический дискурс-анализ стремительно развивается, что не может не вызвать определенную долю критики, которая сводится к основному тезису о «презумпции виновности текста»<sup>70</sup>. Суть данного замечания в том, что представители критического дискурс-анализа априори исходят из предпосылки, что всякий текст имеет идеологическую нагрузку, а значит, устанавливает отношения доминирования/подчинения.

Однако у данного метода есть и очевидные преимущества: в отличие, например, от теории дискурса Лакло и Муфф, критический дискурс-анализ включает в свой методологический арсенал текстовый лингвистический анализ языка.

Третий подход в социально-конструкционистской теории дискурса – дискурсивная психология, в рамках которой особое внимание уделено анализу контекстов общения (дискурс рассматривается как ситуативное использование языка и речи в повседневной практике общения). Данное положение, как нам представляется, тесно переплетается с трехмерной моделью Фэркло, который, как было указано выше, сосредотачивается и, в том числе, на анализе социальной практики.

---

<sup>68</sup> Указ. соч.

<sup>69</sup> Там же. С.146.

<sup>70</sup> Трахтенберг А. Д. Возможен ли «демократический дискурс»? (к вопросу о дискурсивном анализе массовой коммуникации в современной политической науке) / предисл. к статье Н. Карпентье, Л. Ли, Я. Сервэ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С.61.

Главными объектами исследования дискурсивной психологии становятся установки и намерения участников коммуникации, а также групповые конфликты, порожденные последней. Говорящий всегда вынужден выбирать между теми дискурсами, которые приемлемы в данной обстановке, а дискурсы табуированные держать в подсознании. Язык здесь «не просто выражает опыт; скорее, язык также конституирует и опыт, и субъективную психологическую реальность»<sup>71</sup>.

Основываясь на интеграции элементов вышеуказанных подходов, М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс предлагают собственную теоретическую модель дискурс-анализа – комбинированный подход. «Мы основывается на послышке, – пишут они, – что комбинирование различных теорий и методов... подходит в качестве методологии для социального конструкционистского дискурс-анализа»<sup>72</sup>. Исследователи полагают, что дискурс-анализу «следует сосредоточиться на том, как создаются «эффекты истинности» в дискурсах»<sup>73</sup>.

Рассматривая проблему поиска единицы дискурс-анализа, следует упомянуть позицию Д. Кристала. Он считает единицей дискурса текст, поскольку определяет его как протяженный отрезок языка размером более предложения («A term used in linguistics to refer to a continuous stretch of (especially spoken) language larger than a sentence»)<sup>74</sup>.

Т. ван Дейк же делает акцент на изучении структур текста. Автор считает, что медиа-тексты обычно строятся путем однотипной схемы: заголовок, краткий обзор, основное событие, контекст и история, – и само содержание новостей раскрывается именно в динамике, по ходу ознакомления с текстом. Семантические элементы текста ван Дейк называет микроструктурами, в которых следует анализировать значения слов, предложений и взаимосвязь

---

<sup>71</sup> Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С.174.

<sup>72</sup> Там же. С.236.

<sup>73</sup> Там же. С.33.

<sup>74</sup> Crystal D. A. A dictionary of Linguistics and Phonetics.Oxford: Blackwell Publishing, 2008. Vol.6. P.148.

между ними, а также стилистику и риторику значений<sup>75</sup>. То есть важным становится то, в каких формулировках доносится информация.

«...методы дискурс-анализа, направленные на «выуживание» скрытой информации, стоящей за тем или иным текстом, раскрытие истинных мотивов и интенций адресантов дискурса»<sup>76</sup> помогают исследователю понять замысел текста, тот набор идей, слов, символов, с помощью которых автор формирует реальность. Анализ недосказанного в этом случае важнее того, что лежит на поверхности.

В данной работе в качестве анализируемых единиц предстанут тексты публичных выступлений политиков. В качестве методологии данного исследования мы используем элементы критического дискурс-анализа, поскольку он «включает в себя коммуникативный аспект, столь важный при анализе современной политической сферы»<sup>77</sup>. Данный метод отражает, как язык, политическая и социальная практика взаимно влияют друг на друга. Нас, прежде всего, интересуют вопросы, как дискурсивные практики активизируются в политическом тексте, за счет каких приемов достигается его коммуникативное воздействие. И в следующей главе мы обратимся к анализу выступлений лидеров России, США и Украины с трибуны Генассамблеи ООН и попытаемся выявить приемы речевого воздействия в речах Владимира Путина, Барака Обамы и Петра Порошенко.

---

<sup>75</sup> См.: T. van Dijk. Discursive analyzes of news // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research / Edited by K. Bruhn Jensen. L.: Longman, 1999. Vol.5. P.32-37.

<sup>76</sup> Негров Е. О. Официальный политический дискурс в современной России: стратегии развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, т.5, №4. – СПб: 2009. С.108.

<sup>77</sup> Моргун О. М. Критический дискурсивный анализ в методологии политической науки // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. С.188-189.

## ГЛАВА 2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЛИДЕРОВ РОССИИ, США И УКРАИНЫ НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН В СЕНТЯБРЕ 2015 ГОДА

Организация Объединенных Наций была создана в 1945 году. Ведущие страны-участницы антигитлеровской коалиции разрабатывали основы ее деятельности, которые были закреплены в главном документе ООН, Уставе, в виде миссии и целей.

Сегодня ее члены – 193 государства. Организация является той площадкой, где представители каждой страны могут выразить свои взгляды в Генеральной Ассамблее, Совете Безопасности, Экономическом и Социальном Советах и других органах ООН и сообща найти решения актуальных проблем.

Главный совещательный, директивный и представительный орган ООН – Генеральная Ассамблея. Ежегодно в сентябре представители государств-членов собираются в зале Генассамблеи и в ходе общих прений вырабатывают решения по ключевым вопросам мировой политики. Несмотря на то, что эти решения не обладают обязательной юридической силой, они имеют серьезное политическое значение.

70-я юбилейная сессия Генеральной Ассамблеи ООН открылась 15 сентября 2015 года в Центральных учреждениях Организации в Нью-Йорке<sup>78</sup>. В центре нашего внимания окажутся выступления глав Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Украины в ходе общих прений. В речах, произнесенных с трибуны Генассамблеи, находят отражение цели и намерения национальных лидеров, позиция официальных институтов государства, суть и направления национальной политики.

Очевидно, что публичные выступления – тщательная работа самого политика, а также его советников, имиджмейкеров и спичрайтеров. Однако фундамент публичного выступления – слово, поэтому главной целью

---

<sup>78</sup> По материалам Официального сайта Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/index.html>. (01.03.2016).

специалистов становится создание речи, которая смогла бы произвести неизгладимое впечатление на аудиторию слушателей, и здесь на помощь приходят дискурсивные технологии и языковые средства их выражения. Обнаружить их мы и попытаемся в выступлениях Владимира Путина, Барака Обамы и Петра Порошенко.

## 2.1. Особенности дискурсивных практик в выступлении В. В. Путина

Владимир Путин начинает свою речь с почтительного приветствия главных должностных лиц Организации, и на видеозаписи его выступления можно заметить, как он устанавливает с ними зрительный контакт («Уважаемый господин Председатель! Уважаемый господин Генеральный секретарь!»)<sup>79</sup> Затем, уже окидывая взглядом всю аудиторию, президент России обращается к остальным присутствующим в зале («Уважаемые главы государств и правительств! Дамы и господа!») Установление зрительного контакта стирает коммуникационные границы и привлекает внимание слушателей.

Владимир Путин придает 70-летию ООН важное значение и считает эту дату особой вехой в развитии как отдельных государств, так и миропорядка в целом. Путин использует возможность выступить на Генеральной Ассамблее ООН как возможность вновь поднять вопросы мирового устройства и поговорить о «нашем общем будущем» (слиянием слов «нашем» и «общем» подчеркивается солидарность государств, применена тактика единения).

Президент России, вспоминая события середины 40-х годов XX столетия, повторно применяет тактику единения, а также обращается к эмоциям аудитории: «В 1945 году страны, разгромившие нацизм, объединили усилия...» Говоря о солидарности государств в решении вопросов «послевоенного мироустройства», Путин, однако, подчеркивает особую роль России (как преемницы СССР) как страны, принимавшей на своей территории участников Ялтинской конференции: «Напомню, что ключевые решения о принципах взаимодействия государств, решения о создании ООН принимались в нашей стране на Ялтинской встрече лидеров антигитлеровской коалиции».

---

<sup>79</sup> Здесь и далее цит. по.: 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (10.03.2016).

В продолжение речи, говоря о двух мировых войнах, президент России вновь обращается к эмоциям адресатов, но за счет тактики разъяснения Путину удается выделить положительные последствия принятия Крымских соглашений: «Ялтинская система была действительно выстрадана, оплачена жизнью десятков миллионов людей, двумя мировыми войнами... и, будем объективны, она помогла человечеству пройти через бурные, порой драматические события последних семи десятилетий, уберегла мир от масштабных потрясений». Для усиления эмоционального воздействия высказывания президентом России многократно употребляются стилистически окрашенные слова.

Отмечая высокую роль Организации в поддержании стабильности в мире, российский президент в рамках информационно-интерпретационной стратегии применяет тактику признания существования проблемы («Да, в адрес ООН раздаётся в последнее время немало критики. Якобы она демонстрирует недостаточную эффективность»). Однако употребление на стыке двух предложений частицы «якобы» однозначно дает понять, как к подобной критике относится сам Путин: частица (в значении «как будто», «будто бы») несет коннотацию неуверенности и выражает скептицизм говорящего по отношению к преподносимой им информации.

Владимир Путин выражает свое беспокойство, так как некоторые силы пытаются «расшатать» авторитет и легитимность организации, настаивая на том, что она уже не отвечает современным реалиям и сполна выполнила свою историческую функцию. Дабы опровергнуть это сложившееся мнение, президент России прибегает к оправдательной тактике<sup>80</sup> в завуалированной форме путем изложения мысли, что «право вето применялось всегда», и им пользовались многие страны, а не только РФ, и «это совершенно естественно для столь многоликой и представительной организации». Апеллируя к тому, что истинной целью Организации изначально был поиск компромисса,

---

<sup>80</sup> В частности, Петр Порошенко в своем выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи ООН высказывался против «злоупотреблений» правом вето Россией в Совете Безопасности.

Владимир Путин пытается убедить публику в том, что «сила [ООН] – в учёте разных мнений и точек зрения». Так, например, он сравнивает Организацию с дипломатической деятельностью. Российскому президенту, как нам кажется, эффективно удастся подчеркнуть именно ее дискуссионные, полилогичные, построенные на поиске верных решений принципы работы («Обсуждаемые на площадке ООН решения согласовываются в виде резолюций или не согласовываются, как говорят дипломаты: проходят или не проходят»). Тем самым он пытается подтвердить тезис о том, что использование права вето Россией в Совете Безопасности не является каким-то волюнтаристским шагом и не должно осуждаться.

И далее впервые в речи президента России впервые проходит оппозиция «мы – они». Очевидно, что в дискурсе Владимира Путина, в качестве «они» выступают Соединенные Штаты Америки. И хотя напрямую об этом он не говорит, на это указывает упоминание «холодной войны» и системы биполярности: «Мы знаем, что после окончания «холодной войны» – все это знают – в мире возник единственный центр доминирования. И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают что делать. А следовательно, не нужно считаться и с ООН, которая зачастую, вместо того чтобы автоматически санкционировать, узаконить нужное решение, только мешает, как у нас говорят, «путается под ногами». Формулировка «мы знаем – все это знают» не только обнаруживает стратегию отождествления со всем мировым сообществом, но и выявляет оппозиционность к США. Информация преподносится Путиным как нечто очевидное, а тактика «общей платформы» позволяет создать впечатление единообразия в поведении, ощущение, что так думают или поступают абсолютно все. Кроме того, очевидна дистанцированность в отношении «чужого», проявившаяся в употреблении указательного местоимения «тех». Слово «исключительные» по отношению к США употреблены в негативном контексте: демонстрируется надуманность, субъективность этой исключительности, констатируется ее необоснованность.



Формулировка «путается под ногами», использованная Владимиром Путиным, указывает на пренебрежительность «центра доминирования» к Организации. Все вышесказанное позволяет создать образ Америки и ее руководства в негативном свете.

С помощью тактики солидаризации Владимир Путин выражает готовность РФ к «работе по дальнейшему развитию ООН со всеми партнёрами (тактика единения)». Применяя тактику указания на перспективу, российский президент делает прогноз, относительно попыток «расшатать авторитет и легитимность ООН», полагая, что «это может привести к обрушению всей архитектуры международных отношений».

Используя в предложениях структуру синтаксического параллелизма («мир, в котором – мир, в котором»; «все больше – все меньше»), Путин стремится донести до слушателей уровень опасности сложившейся ситуации: «Это будет мир, в котором вместо коллективной работы будет главенствовать эгоизм, мир, в котором будет всё больше диктата и всё меньше равноправия... в котором вместо по-настоящему независимых государств будет множиться число фактических протекторатов, управляемых извне территорий». Стоит признать, что описывая ситуацию через призму последствий, лидер России, как нам представляется, хочет обратить внимание на то, что эти явления, с его точки зрения, происходят уже в настоящем.

На контрасте с вышесказанным, президент России выдвигает тезис, касающийся государственного суверенитета. В своём выступлении Путин сделал особенный упор на то, что каждое государство должно самостоятельно выбирать, каким путём ему развиваться и идти. С помощью риторического вопроса он как бы вовлекает аудиторию в процесс обсуждения поставленного вопроса. Кроме того, ссылаясь на глав других государств, для которых обсуждаемая тема также является значимой, выражает свою солидарность с ними: «Ведь что такое государственный суверенитет, о котором здесь уже коллеги говорили? Это, прежде всего, вопрос свободы, свободного выбора своей судьбы для каждого человека, для народа, для государства».

Употребление в речи однородных членов предложения с одинаковым предлогом усиливают эмоциональность высказывания за счет выстраивания линии «от меньшего к большему» (один человек – народ – государство).

Продолжая свои рассуждения на тему свободы выбора каждого государства, Путин вспоминает период строительства коммунизма. Российский президент признает ошибки, совершенные советским руководством и призывает «всех нас не забывать опыт прошлого» (тактики признания существования проблемы, призыва к единению). Проводя параллель с прошлым, российский лидер говорит, что «никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И экспорт теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается». Говоря «так называемых «демократических» революций», Владимир Путин подчеркивает, что они только носят такое название, но на деле истинными не являются. Все эти приемы характеризуют применение тактики дискредитации врага.

Благодаря тактике иллюстрирования Владимиру Путину красочно удается описать последствия вмешательства внешних сил в жизнь определенных государств: «Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, о чём говорил предыдущий выступающий (тактика солидаризации, апеллирование к схожей позиции по поднятому вопросу со стороны лидера Иордании Абдуллы II ибн аль-Хусейн аль-Хашими). Конечно, политические, социальные проблемы в этом регионе назревали давно, и люди там, конечно, хотели перемен. Но что получилось на деле? (тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения и прием риторического вопроса вовлекают публику в процесс рассуждения над обозначенной проблемой). Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены». Эмоционально окрашено слово «бесцеремонно» несет в себе семантическое значение развязности, пренебрежение правилами приличия, демонстрируемое теми, кто виновен в названных последствиях.

Эта тема получает свое дальнейшее развитие в выступлении российского президента с трибуны ООН: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили? Но, боюсь, этот вопрос повиснет в воздухе, потому что от политики, в основе которой лежит самоуверенность, убежденность в своей исключительности и безнаказанности, так и не отказались». Эмоциональный посыл, заключенный в этих предложениях, достаточно силен. Подобными формулировками Владимир Путин выражает свою ответственность за судьбу названных регионов, вместе с тем в назидательной форме обвиняет «тех, кто создал такую ситуацию».

Российский президент выражает свою убежденность в том, что сирийская проблема уже давно вышла за рамки границ самой Сирии, и поэтому мировое сообщество должно принять меры по урегулированию данного вопроса. Фактически называя вещи своими именами и указывая на действительные причины возникновения этой проблемы, президент России произносит следующее: «Под знамёнами так называемого «Исламского государства» уже воюют десятки тысяч боевиков. В их числе бывшие иракские военнослужащие, которые в результате вторжения в Ирак в 2003 году были выброшены на улицу. Поставщиком рекрутов является и Ливия, чья государственность была разрушена в результате грубого нарушения Резолюции № 1973 Совбеза ООН (использование тактики обоснованных оценок со ссылкой на соответствующий документ в рамках аргументативной стратегии позволяет склонить аудиторию к собственной точке зрения). А сейчас ряды радикалов пополняют и члены так называемой умеренной сирийской оппозиции, поддержанной Западом». Диффамация «чужого» получает свое развитие, и хотя враг открыто не назван, отсылки к определенным историческим событиям, участником которых были США, позволяют сделать вывод о том, что критика Владимира Путина направлена именно против Америки.

Российский лидер продолжает обсуждение темы терроризма уже с позиции критики и обвинения тех, кто, осуждая само явление, закрывает глаза на каналы финансирования боевиков. Выступления с декларациями об угрозе

международного терроризма Владимир Путин называет «лицемерным и безответственным», а также предостерегает от «манипулирования экстремистскими группировками... для достижения собственных политических целей»: «...уважаемые господа, вы имеете дело, конечно, с очень жестокими людьми... и ещё неизвестно, кто кого использует в своих целях» (использование социальной метафоры – уподобление политики игре).

Путиным используются стилистически окрашенные и не в полной мере уместные для подобного выступления слова. Однако они дают соответствующий эффект и усиливают впечатление от услышанного: «Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое чёрное дело. Мы этого не хотим. Ведь этого никто не хочет, не так ли?» Использована тактика отождествления одновременно с приемом диффамации «чужого» (подчеркивается общность точек зрения стран в вопросах, касающихся террористических атак, а тот, кто не поддерживает подобные точки зрения – противопоставляется мировому сообществу). Часто политики используют манипулятивные тактики, целью которых является скрытое внедрение в сознание адресатов определенных идей и оценок. Подобные приемы находят свое речевое выражение в построении высказываний с намеренными смысловыми пропусками, которые провоцируют аудиторию «заполнить» подобный пробел. Так, риторический вопрос, заданный Владимиром Путиным, содержит три отрицания («никто», «не хочет», «не так ли»). Подобный прием недвусмысленно наталкивает адресатов на вполне определенный ответ.

Обращением «Уважаемые коллеги!» Владимир Путин пытается максимально привлечь слушателей, а затем развивает тезис о ложности обвинений РФ в «растущих амбициях». Путем тактик разъяснения и комментирования он выстраивает свое рассуждение как опровержение сложившегося в некоторых кругах мнения: «Вынужден заметить, что в последнее время наш такой честный и прямой подход (упоминание человеческих качеств, получающих одобрение в обществе; тактика

выпячивания) используется как предлог, чтобы обвинить Россию в растущих амбициях... Но суть не в амбициях России, уважаемые коллеги, а в том, что терпеть складывающееся в мире положение уже невозможно». Выражение «вынужден заметить» несет в себе семантическое значение необходимости: так создается впечатление, что Владимир Путин как бы не хотел тратить время на обсуждение подобных вопросов, однако ему не остается ничего, кроме как сакцентировать внимание на данной теме. Оправдательная формулировка «как будто у тех, кто говорит об этом, нет вообще никаких амбиций» позволяет Путину подчеркнуть двойственность поведения противоположной стороны, которая, заявляя о чрезмерных амбициях РФ, на самом деле и сама имеет вполне конкретные цели и мотивы собственных действий.

На фоне подчеркнуто важной роли России в борьбе с терроризмом, как кульминация, как итог вышесказанному прозвучало предложение Владимира Путина по созданию широкой антитеррористической коалиции: «Как и антигитлеровская коалиция, она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять тем, кто, как и нацисты, сеет зло и человеконенавистничество». Сравнивая антитеррористическую коалицию с антигитлеровской, Путин не только апеллирует к эмоциям адресатов, затрагивая тему Второй мировой войны. Он акцентирует внимание аудитории на том, что борьба с терроризмом в настоящее время столь же важна, как когда-то была необходима борьба с нацизмом, и Россия, осознавая всю опасность сложившейся ситуации, готова проявлять инициативу в вопросах создания Коалиции и тем самым нести ответственность, проявлять заботу в отношении государств, подвергшихся угрозе терроризма.

В качестве указания на путь решения проблемы, российский президент говорит о ключевой роли мусульманских стран в формировании коалиции: «Хотел бы обратиться к мусульманским духовным лидерам: сейчас очень важны и ваш авторитет, и ваше наставническое слово». Употребление в речи особых грамматических конструкций (не только – но и, однородные члены предложения, и ваш – и ваше) усиливает эмоциональное воздействие

высказывания. Призывая участие в Коалиции мусульманские страны, Владимир Путин выражает свою готовность к сотрудничеству и пытается донести до них мысль о необходимости совместно выстроить партнерские отношения, что станет ключом к успехам в борьбе с терроризмом.

Путин напоминает, что «в ближайшие дни Россия, как председатель Совета Безопасности, созывает министерское заседание для комплексного анализа угроз на пространстве Ближнего Востока». Формулировка «Россия как председатель созывает» акцентирует внимание на влиянии РФ в Совбезе, ее голос звучит как рупор, призывая к созданию широкой антитеррористической коалиции. Однако нужно отметить, что за открыто декларируемым намерением скрывается также и не афишируемое в речи стремление к укреплению собственных позиций на Ближнем Востоке.

Лидер России полагает, что проблемы беженцев, которые массово едут в Европу, следует решать не строительством лагерей для них, а усиленной работой по деэскалации конфликта, снятием напряженности на Ближнем Востоке (тактика указания пути решения проблемы).

Подводя итог поднятой теме, Владимир Путин, используя тактику призыва членов ООН к совместной продуктивной работе, считает «крайне важным помочь восстановить государственные структуры в Ливии».

Путин выразил обеспокоенность тем, что даже после окончания холодной войны существует блоковое мышление: «Спрашивается: ради чего, если Варшавский блок прекратил своё существование, Советский Союз распался?.. НАТО не только остаётся, она ещё и расширяется, так же как её военные инфраструктуры». Продолжая критику подобного стремления к освоению новых пространств, порождающего нестабильность в различных точках мира, российский президент как бы демонстрирует дистанцированность России от всякого рода геополитических игр и в противовес предлагает путь «формирования пространства равной и неделимой безопасности, безопасности не для избранных, а для всех» (указание на пути решения проблемы). Построение оппозиционирования «мы – они» продолжает присутствовать в

выступлении российского президента. Для этого он прибегает к критике и дискредитации «врага», рисует его образ в негативном свете.

Касаясь темы украинского кризиса, Владимир Путин говорит, что «остановить кровопролитие, найти выход из тупика можно только при полном добросовестном выполнении Минских соглашений» (тактика призыва), итогом чего станет развитие Украины как цивилизованного государства. Российский президент вновь в скрытой форме, но достаточно четко дает понять, на ком, по его мнению, лежит ответственность за вспыхнувшую гражданскую войну на Украине («извне спровоцировали вооруженный переворот»).

Затрагивая тему международного экономического сотрудничества, Владимир Путин открыто критикует руководство государств, вводящих «односторонние санкции в обход Устава ООН, ведь «они не только преследуют политические цели, но и служат способом устранения конкурентов на рынке» (конкурентов каких – экономических на экономическом рынке или политических на рынке политическом – Путин не уточняет). «Отмечу ещё один симптом растущего экономического эгоизма» (уподобление подобного эгоизма болезни, антропоморфная метафора). Политический лидер РФ обвиняет ряд стран в создании «закрытых эксклюзивных экономических объединений», подчеркивая кулуарность и негласность этих решений. «Вероятно, всех нас хотят поставить перед фактом, что правила игры переписаны, и переписаны опять в угоду узкого круга избранных, причём без участия ВТО» («всех нас» – тактика единения и одновременно дистанцирование себя от всякого рода политических игр; «правила игры переписаны» – уподобляет сферу политики игре, которая зачастую ведется нечестно; «в угоду узкого круга избранных» – подчеркивается доминирование интересов некоторых государств над интересами других).

Чтобы усилить эффект, Владимир Путин на контрасте строит следующее высказывание: «В противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций». Словосочетание «интеграция

интеграций» усиливает эмоциональное воздействие высказывания и акцентирует внимание публики на стремлении России к выстраиванию партнерских отношений с заинтересованными странами, и в качестве примера Путин приводит «планы по сопряжению Евразийского экономического союза с китайской инициативой по созданию «Экономического пояса Шёлкового пути» (тактика иллюстрирования в рамках стратегии аргументации).

Российский президент видит необходимость в качественно новых подходах к вызовам, связанным с загрязнением окружающей среды (тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения), и призывает больше работать над природоподобными технологиями, «восстановить нарушенный человеком баланс между техно- и биосферой»: «Предлагаем созвать под эгидой ООН специальный форум (тактика призыва), на котором комплексно посмотреть на проблемы, связанные с исчерпанием природных ресурсов...»

Подводя итоги выступления, Владимир Путин вспоминает слова колумбийского дипломата Зулеты Анхеля, председателя подготовительной комиссии первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, произнесенные 10 января 1946 года в Лондоне. Российский президент выражает солидарность с мнением дипломата, который «сформулировал принципы, на которых должна строить свою деятельность ООН. Это добрая воля, презрение к интригам и хитростям, дух сотрудничества». Российский лидер в заключение использует тактику единения («убеждён, действуя вместе») и выражает уверенность в результативности последующей работы Организации («мы сделаем мир стабильным и безопасным»). Глагол совершенной формы в будущем времени («сделаем») акцентирует внимание именно на достижении цели и не содержит представлений о длительности и протекании самих действий. В контексте выступления Владимира Путина в этом нет необходимости, так как наиболее важно подчеркнуть их конечность и результативность, а не процесс осуществления.

Резюмируем вышесказанное. Яркой отличительной особенностью речи Владимира Путина является использование тактики безличного обвинения. Ее



суть в том, что открыто обвиняемый не называется. Грамматические конструкции и употребляемые лексические единицы в этом случае довольно широки по своему значению. Их использование выгодно для говорящего, так как можно усилить впечатление от противопоставления групп «мы – они», «свои – чужие», причем сделать это удастся в завуалированной форме. Группа «своих» будет показана в позитивном свете, а «враги» дискредитированы. И пусть российский президент ни разу прямо не упомянул США, нет никаких сомнений в том, что его речь касалась во многом действий Америки на международной арене. В этой связи, особенно интересны и показательны обороты, используемые Владимиром Путиным: «признанную кем-то», «у некоторых наших коллег» (неопределенные местоимения); «никто не учится» (отрицательное местоимение); «спросить тех, кто создал», «тем, кто действительно так поступает и так думает», «противостоять тем, кто, как и нацисты, сеет зло» (указательные местоимения).

Необходимо отметить, что речь лидера России имеет яркую эмоциональную окрашенность. Владимир Путин часто использует стилистически окрашенные слова, параллельные конструкции, что придает речи убедительное звучание.

Большое внимание лидер России уделял расширению сферы общих интересов. Тема единения находит свое воплощение в лексических средствах категории обобщенности. Многочисленные призывы, пути указания на решения проблем реализуются с помощью соответствующих лексических и грамматических средств. Кроме того, призывы выглядят наиболее убедительно на фоне констатации неудовлетворительного положения дел в настоящее время.

Путин критикует американскую политику за «экспорт социальных экспериментов» с позиции сильного, так, будто международный авторитет России и не подвергался сомнению, будто объединение вокруг РФ других государств неизбежно. Надо сказать, что используемые Владимиром Путиным

выражения типа «вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?» вряд ли способствуют компромиссу между Россией и Соединенными Штатами.

Таким образом, выступление Владимира Путина можно свести к трем основным составляющим: диффамация чужого (тактики оппозиционирования, критики и обвинения), формулировка собственной политической позиции (тактики солидаризации, обещания, указания на пути решения проблем) и поиск единомышленников (тактики единения, призыва).

## 2.2. Особенности дискурсивных практик в выступлении Б. Обамы

Уже в начале своей речи, обращаясь к присутствующим в зале коллегам-делегатам ООН, Барак Обама призывает «подумать о том, чего смогли добиться совместными усилиями члены этой организации»<sup>81</sup>, подчеркивая общую направленность действий всех государств (тактики призыва и солидаризации).

«Соединенные Штаты работали со многими странами Генеральной Ассамблеи ООН над тем, чтобы предотвратить третью мировую войну. Мы формировали альянсы с бывшими противниками, поддерживали возникновение сильных демократий... Мы создавали международную систему, которая строго наказывает тех, кто выбирает путь конфликта вместо пути сотрудничества...» Формулировка «Соединенные Штаты работали с кем-то», несмотря на, казалось бы, выражаемое автором высказывания единение, акцентирует внимание на инициативности самой Америки в начинаниях ООН. Используемый далее синтаксический параллелизм «мы формировали – мы создавали» усиливает эмоциональность речи и подчеркивает ведущую роль США в решении проблем международного уровня. Кроме того, уже в начале выступления Барак Обама начинает выстраивать оппозицию «мы – они», на что указывает использование указательного местоимения «тех», выражающего дистанцированность в отношении «чужого».

Признание существующей проблемы («конечно, не раз бывало, что мы все, коллективно, не оправдывали этих идеалов») успешно сочетается с тактикой акцентирования положительной информации («однако мы медленно, но неуклонно двигались вперед, добиваясь того, чтобы система международных норм и правил функционировала лучше и более последовательно»). Вектор размышления аудитории полностью сосредотачивается на позитивной стороне совместной работы. Надо сказать,

---

<sup>81</sup> Здесь и далее цит. по: Выступление президента США Барака Обамы на Генеральной Ассамблее ООН / ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/world/20150930/230544021.html> (25.03.2016).

что формулировка «мы все, коллективно, не оправдывали» как бы возлагает ответственность за ошибки Организации на многие страны, но вместе с тем несколько сглаживает вину самих Соединенных Штатов.

В продолжение речи лидер США вновь прибегает к приему синтаксического параллелизма, который достаточно эффективен при желании усилить эмоциональное воздействие высказывания: «Именно такой международный порядок обеспечил беспрецедентные успехи в процветании человечества. Именно эти совместные усилия позволили наладить дипломатическое сотрудничество... Именно это обеспечило развитие демократии...»

На фоне перечисления больших успехов ООН контрастом звучит мысль Барака Обамы, что «опасные современные течения рискуют затянуть нас обратно в мир, полный хаоса». Прошлое представляется президентом в негативном свете в противовес успешному результативному настоящему.

Впервые в своей речи затрагивая тему международного терроризма, президент США отмечает, что «технологии, которые создают превосходные возможности для отдельных людей, используются и теми, кто распространяет дезинформацию, подавляет несогласных, радикализирует молодых людей». Президент Америки, используя тактику безличного обвинения, напрямую не называет того, к кому обращается, и наличие большого количества указательных местоимений, местоимений третьего лица множественного числа позволяют шаг за шагом дискредитировать «чужого» и выстраивать оппозицию «мы – они»: «Есть те, кто считает: идеалы, закрепленные в Уставе ООН, недостижимы или устарели... Эти люди считают, что нужно вернуться к правилам, которые действовали на протяжении большей части истории человечества, до учреждения ООН. Они верят, что власть – это игра с нулевой суммой...». Из других речевых средств, используемых Барак Обамой для достижения этой цели, можно назвать неопределенные местоимения («мы видим, что некоторые из крупных держав») и глаголы в форме третьего лица

множественного числа («нам говорят, что это нужно для предотвращения хаоса»).

Обама демонстрирует дистанцированность от тех, кто рассуждает о влиянии Соединенных Штатов в мире, и как бы наблюдает за происходящим со стороны («мы наблюдаем серьезные обсуждения»; «в них слышны голоса тех, кто считает»; «мы слышим аргумент о том, что»). Это выражается в использовании местоимений 2 лица в сочетании с глаголами в настоящем времени, указательных местоимений. «Как президент США я отдаю себе отчет в тех опасностях, которые перед нами стоят. Доклады о них проходят через мой стол каждый день. Я являюсь главнокомандующим самой могущественной военной силы в мире, и мы не замедлим оказать помощь собственной стране или нашим союзникам в одностороннем порядке и с применением силы, если это потребуется... Как бы ни была сильна наша армия, как бы ни была крепка наша экономика, США не могут в одиночку решать все мировые проблемы», – здесь открыто подчеркивается сила и авторитет не только Соединенных Штатов, но и самой личности президента. Подобный эффект достигается путем использования в речи местоимений 1 лица, глаголов, выражающих модальность действительности, усилительных частиц. Целенаправленно создается ощущение, что Америка в одиночку пытается решить все мировые проблемы, и ее роль в ООН всеобъемлюща («как бы ни была крепка наша экономика», «даже сотни тысяч наших отважных солдат и триллионы долларов из нашей казны»).

В рамках стратегии самозащиты Барак Обама применяет тактику оспаривания: «Обнажать коррупцию, вызывая новые ожидания у людей, – это не заговор финансируемых США некоммерческих организаций. Это технологии, социальные сети, непреодолимое желание людей самим выбирать, как ими будут управлять». Такая «оборонительная» тактика заключается в выражениях типа «это не то – это другое», которые являются своеобразными речевыми маркерами и противопоставляют смысловые отношения между высказываниями в тексте. С помощью подобного приема политик убеждает

публику в необоснованности предъявляемых обвинений и отводит нападки в свою сторону.

Особенно интересно построение Бараком Обамой следующего отрывка: «И сильные страны, прежде всего, несут ответственность за то, чтобы отстаивать такой международный порядок... Став президентом, я ясно дал понять, что одно из главных достижений ООН, режим нераспространения ядерного оружия, подвергается угрозе со стороны Ирана. Исходя из этого, Совет Безопасности ООН ужесточил санкции против иранского правительства, и многие страны присоединились к нам в деле обеспечения этих санкций. Вместе мы продемонстрировали, что законы и соглашения что-то значат». Лидер Америки выдвигает тезис об особом уровне ответственности со стороны сильных стран, а потом приводит конкретный пример своих действий на международной арене. Подобное построение предложений является прямым внушением аудитории мысли об авторитете и мощи Соединенных Штатов. Слова «вместе мы продемонстрировали» в данном конкретном случае создают лишь иллюзию вовлеченности других стран в процесс осуществления принятых решений: главная роль здесь отводится именно США.

Большую роль в создании негативного образа России играет представление ее или инициированных ею событий как угрожающих автору оценки либо третьим лицам. Называя присоединение Россией Крыма аннексией, лидер США выражает обеспокоенность, что если «это останется для России без последствий, это сможет произойти с любой из стран, представители которых здесь сегодня собрались». Апеллируя к эмоциям и ценностным ориентирам адресатов, Барак Обама также обосновывает и те санкции, которые были введены против РФ («мы не можем оставаться в стороне, когда возмутительным образом нарушаются суверенитет и территориальная целостность страны»). Создавая положительный образ своей страны, ответственной за судьбу другого народа, Барак Обама обрушивает критику на действия российского руководства («российские средства массовой

информации, контролируемые властями, могут преподносить это как возрождение страны»).

Продемонстрировав свою исключительную осведомленность о желаниях украинских граждан («народ Украины сейчас более чем когда-либо, заинтересован в том, чтобы присоединиться к Европе, а не к России»), президент США утверждает, что санкции против Москвы были введены не из-за желания конфликтовать, а после того, как суверенитет Украины был нарушен Россией, аннексировавшей Крым и пренебрегшей «путем подлинной дипломатии» (тактика оспаривания).

Президент открыто заявляет, что США не хотят изолировать Россию: «Нам нужна сильная Россия, Россия, которая бы работала вместе с нами над укреплением международной системы как единого целого». Преподнесение информации в положительном ключе оправдывает и обосновывает действия американского руководства на международной арене, поскольку все принятые управленческие решения якобы имеют под собой благую цель – сотрудничество с Российской Федерацией. Декларирование готовности США «работать с любой страной, включая Россию», как нам представляется, неестественно и неискренне: подобное акцентирование звучит несколько наигранно в контексте представления образа России как «врага». Кроме того, возможное сотрудничество между США и РФ будет обуславливаться множеством условий для последней. Прямо об этом лидер Соединенных Штатов не говорит, однако сделать подобный вывод позволяет навязывание Бараком Обамой собственной точки зрения по всем поднятым им вопросам.

Несмотря на наличие и силы и больших возможностей у Америки, Барак Обама несколько раз отрицает наличие у нее каких бы то ни было геополитических или экономических интересов («... у Америки совсем немного экономических интересов на Украине... Аналогичным образом, в Южно-Китайском море у США нет притязаний на какие-либо территории...»). Апеллирование к теме международного сотрудничества подчеркивает стремление Барака Обамы к созданию коалиций, к поиску партнеров, чтобы

действия США на мировой арене не выглядели волонтаристски («но, как и каждая из собравшихся здесь наций, мы заинтересованы в том, чтобы... любые споры разрешались бы с помощью международного права, а не силой»).

Обама, как нам представляется, чрезмерно акцентирует внимание на дипломатическом методе решения Америкой любых разногласий. Подобное «выпячивание» имеет свои успехи, поскольку происходит нейтрализация негативного представления об адресанте («У нас остаются разногласия с кубинским правительством... Но мы будем решать эти вопросы через дипломатию, через усиление торговых связей и связей между людьми»).

Говоря об Иране, который, по мнению президента Америки, использует силу для продвижения своих интересов, Барак Обама в саркастичной форме упрекает руководство этой страны в бездействии: «... скандируя «Смерть Америке!», новых рабочих мест не создашь и более безопасной страну не сделаешь», – и призывает Иран избрать мирный путь решения назревших проблем.

Барак Обама выразил сомнение, что существующих диктаторов вроде Башара Асада нужно «оставлять в покое» ради гипотетической стабильности: «Когда диктатор убивает десятки тысяч людей, представителей своего собственного народа, это не вопрос внутренних дел одной отдельной страны». Апеллирование к эмоциям аудитории удаются с помощью используемых стилистически окрашенных слов («человеческие страдания», «обезглавливают пленников», «невинных детей»).

Далее Обама излагает собственное видение истории развития конфликта в Сирии. Однако при подробном разборе формулировки призыва «давайте вспомним, как все это началось» можно обнаружить, что происходит манипулирование и навязывание говорящим своего мнения. Происходит это следующим образом: используется частица, выражающая императивную модальность и глагол в форме повелительного наклонения множественного числа, между которыми можно вставить слово «вместе», либо сочетание «мы с вами». Подобные речевые средства репрезентативуют идею совместности:



говорящий вводит слушающего в свою личную зону, акцентируя так внимание на идее общности, при этом навязывая в завуалированной форме собственную точку зрения.

Концепт «Америка = друг» позволяет Бараку Обаме представить образ США как героя, находящегося рядом в трудное время, на которого можно положиться: «Вот почему США готовы открыть свои границы перед все большим числом беженцев... ведь в лицах страдающих семей мы, нация иммигрантов, видим отражение себя самих» (одновременно используются тактики солидаризации и апеллирования к чувствам адресатов).

Цитирование – эффективный прием, благодаря которому речь получает запоминающееся языковое воплощение. Барак Обама обращается к данному приему: «Как напомнил нам Его Святейшество Папа Франциск, мы сильны тогда, когда больше всего заботимся о самых слабых, когда считаем их равными нашим дочерям и сыновьям в том, что касается человеческого достоинства». Интертекстуальная ссылка служит здесь для демонстрации оппозиционирования и дистанцированности: тот, кто не заботится о слабых, не может считаться сильным и претендовать на сотрудничество с теми, кто таковыми является. Нужно также отметить, что данная конкретная цитата несет апелляцию к ценностям адресатов, поскольку в ней содержится ссылка на религиозного деятеля. Этот прием можно назвать манипулятивным, поскольку чувства не могут рассматриваться как полноценные аргументы в политической коммуникации.

«Мы можем победить заболевания», «можем победить пандемии», «вместе мы можем победить крайнюю нищету», «мы можем содействовать росту с помощью торговли по новым стандартам», «мы можем снизить загрязнение окружающей среды». В данных высказываниях говорящий реализует тактику прогнозирования при акцентировании положительной информации: они содержат мысль о возможности достичь многих результатов и успехов в социальной, экономической жизни. Президент США не выражает бесспорную уверенность в достижении целей, но использование подобных

формулировок с достаточной частотой (прием синтаксического параллелизма) позволяет имплицировать мысль, что верные и достойные решения обязательно будут найдены.

Лидер США неоднократно вводит в свою речь фразы, учитывающие ценностные ориентиры адресатов: «позволяет ли правительство людям выражать свою уникальную культуру, уникальную историю, уникальный опыт»; «нельзя допускать безнаказанного насилия над женщинами»; «у людей должна быть свобода мирно обращаться с просьбами к властям». Такая стратегия формирования эмоционального настроения у слушателей актуализирует в сознании общечеловеческие ценности и служит созданию некоего общего поля рассуждений, в рамках которого размышляет и сам говорящий и аудитория.

Тактика разъяснения предполагает, что адресант сообщает новую, дополнительную информацию, если нужные фоновые знания у собеседника отсутствуют. Подобное дополнение служит не только разнообразию речи, но и может успешно подкреплять выражаемую говорящим точку зрения. Например: «История демонстрирует, что те страны, которые опасаются своего собственного народа, в конечном счете, распадаются. А сильные институты, построенные на согласии управляемого народа, существуют еще долгое время после того, как уходит любой из отдельных их руководителей. Вот почему наши сильнейшие лидеры – от Джорджа Вашингтона до Нельсона Манделы – показали, что важно строить сильные демократические институты и не допускать стремления к вечной власти одних и тех же людей». Апеллирование к прецедентным именам политических деятелей дает Обаме возможность предстать перед публикой в качестве продолжателя славных традиций, которые были заложены видными лидерами США.

Президент Соединенных Штатов преподносит высказывания как реальный и достоверный факт. Модальность действительности не оставляет адресатам возможности усомниться в правдивости преподносимой информации и формирует у них ощущение реальности произнесенного, а ряды однородных членов усиливают эмоциональность речи: «... демократия ... – это то, что

позволило нам стать самой сильной нацией в мире... В этой стране каждый может внести свой вклад и принять участие – не важно, кто ты, откуда, как ты выглядишь, кого любишь. Вот что делает нас сильными». Формулирование предложений с помощью приема синтаксического параллелизма притягивает внимание слушателей: «Когда оппозиция получает возможность бороться за власть на выборах, страна получает новые идеи. Когда свободные СМИ могут информировать общество, это помогает выявить и победить коррупцию и злоупотребления ...» и т. д. Кроме того подобное построение синтаксических единиц позволяет навязать публике мысль, что все, о чем было сказано, уже воплотилось в реальность (есть новые идеи, побеждены коррупция и злоупотребления и т. д.) Таким образом, США и демократия представляются как ведущие к светлому будущему и прогрессу весь мир.

В конце своего выступления Барак Обама прибегает к суггестивным приемам. Он пытается воздействовать не на волю и разум, а на эмоции аудитории, не обращая при этом к логическому анализу: «Мы можем быть патриотами... Мы можем сохранять свою религиозную или этническую идентичность, традиции... простые люди в массе своей – хорошие, для них важна семья и дружба, вера и достойная тяжелая работа». Апеллирование к патриотическим, культурным, семейным ценностям ориентировано не только и не столько на сообщение информации, сколько на эмоциональное речевое воздействие. Подобное воздействие отличается навязчивостью, поскольку с трудом поддается коррекции. Например: «Представьте себе либерийского врача, который ходил от двери к двери в поисках больных лихорадкой Эбола, чтобы рассказать семьям, что делать при ее симптомах. Представьте себе иранского лавочника, который после ядерной сделки говорит — «Слава Богу, теперь мы можем предложить покупателям больше разных товаров по лучшей цене!» ... Представьте себе семьи, которые бросают все, что у них было, они идут через пустыню, плывут через шторма, чтобы найти убежище, чтобы спасти своих детей. Один из сирийских беженцев, которого тепло приняли в Гамбурге, дали ему крышу над головой, сказал: «Мы чувствуем, что по-

прежнему есть люди, которые любят ближнего». Создавая достаточно простые образы, вызывающие переживания слушателей, говорящий может произвести особое впечатление, а в контексте заявлений Барака Обамы о необходимости помогать нуждающимся производимый эффект будет особенно сильным.

Подведем итоги вышесказанному. Завершая свое выступление с трибуны ООН, Барак Обама представляет собственное видение мира без акцента на существующие границы и различия. Подобная метафоризация «мир» = «все человечество» позволяет успешно реализовать тактики солидаризации и единения: «Люди наших Объединенных Наций не так сильно отличаются друг от друга... у всех народов мира есть общие интересы, универсальные принципы, у нас одно человечество на всех». «Те, кто 70 лет назад создавал ООН, понимали это. Давайте с этой верой пойдем в будущее – это единственный способ гарантировать, чтобы оно стало лучшим и для моих, и для ваших детей». Прием «свои ребята» («и для моих, и для ваших детей») успешно стирает границы между говорящим и аудиторией, устанавливает доверительные отношения. Благодаря этому в заключительной части выступления акцентируется идея общности, подчеркивается принадлежность президента США к народу, как выходцу из простых людей. Подобным способом происходит формирование к нему доверительного, позитивного отношения.

Использование в речи предложений, построенных на контрасте и противопоставлении, отражает неумолимое стремление США вперед. Развитие истории в дискурсе Барака Обамы получает метафоризацию: «вперед» = «хорошо/прогресс», «на месте, назад» = «плохо/регресс».

Выступление Барака Обамы имеет яркую стилистическую и эмоциональную окрашенность: параллельные конструкции, повторения, прилагательные в превосходной форме, апеллирование к чувствам адресатов, – все это придает речи убедительное патетическое звучание.

Красной нитью через нее проходит тема величия Америки. Президент неоднократно подчеркивает, чего добились США в деле построения

демократии. Однако необходимо отметить, что Барак Обама открыто навязывает подобный путь развития другим странам: «Я верю – то, что верно для Америки, верно и для всех зрелых демократий ... Я верю, что это и есть наше общее будущее, к которому мы все должны стремиться».

Яркой особенностью выступления Барака Обамы является дискурс «взрослого». Им широко используются выражения, подчеркивающие его лидерскую позицию, сознательность, ответственность: «лучше всего проявлять в этом лидерскую роль», «США готовы работать с любой страной», «обязывает нас защищать», «я признаю», «обязательства, которые мы взяли на себя», «я понимаю» и др.

В отношении России выступление Барака Обамы представляется достаточно категоричным и, несмотря на декларируемую лидером США готовность сотрудничать с РФ, явно определяется нежелание иметь ее в качестве партнера на мировой арене, на что указывают используемые тактики прямого обвинения, критики и диффамации чужого.

Президент четко дает понять, что ничто не изменит позицию США, в том числе и по сирийскому вопросу: «... не стоит ждать от нас извинений за использование силы против него [ИГИЛа] в составе широкой коалиции стран. Мы поступаем так, будучи убежденными: для террористов, которые совершают такие преступления, не должно быть спокойного места на Земле». Многочисленные отсылки Обамы к коалиционной работе, поиску партнеров создают впечатление слаженной совместной работы многих государств. Однако подобное апеллирование необходимо для того, чтобы заручиться поддержкой других стран, чтобы действия США на мировой арене не выглядели волюнтаристски.

Чрезмерное акцентирование внимания Обамой на положительной информации, «выпячивания», высокопарные рассуждения типа «нужно придать реальное выражение нашим лучшим надеждам, а не глубочайшим страхам» и гиперболизация как своих, так и достоинств американского пути развития,

позволяют сделать вывод об использовании лидером США манипулятивных и демагогических приемов.

### 2.3. Особенности дискурсивных практик в выступлении П. А. Порошенко

«От имени Украины я искренне поздравляю глубокоуважаемого господина Могенса Люккетффта с избранием на должность Председателя 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Я желаю Вам, господин Председатель, успехов в вашей деятельности в этот важный исторический момент»<sup>82</sup>. Начиная выступление и употребляя словосочетание «от имени Украины» Петр Алексеевич Порошенко использует в речи тактику отождествления, как бы говоря «я есть Украина, и она через меня обращается к вам». Акцентируя внимание на избрании на новую должность господина М. Люккетффта, президент Украины отмечает важность исторического момента, под которым, как нам представляется, подразумевается не столько факт 70-летия существования Организации Объединенных Наций, сколько тот сложившийся на настоящее время узел проблем и сложный миропорядок. Данный тезис находит подтверждение в продолжение выступления: «Наше будущее в значительной степени будет зависеть от результатов нынешней сессии и наших коллективных решений...» Здесь Порошенко, путем тактик единения и указания на перспективу, обращается к эмоциям аудитории, поскольку будущее как мира в целом, так и конкретных государств волнует каждого человека. Синтаксический параллелизм «...или мы выберем путь мира, безопасности и прав человека, или окунемся в суету новых гибридных войн, хаоса и страданий» указывает на тактику контрастного преподнесения информации, а эмоционально окрашенное слово «страданий», повторение «наше – наших» усиливают эмоциональное воздействие.

«Господин Председатель, в момент юбилея Организации я горжусь тем, что говорю от имени одного из членов учредителей ООН. Государства, которое

---

<sup>82</sup> Здесь и далее цит. по: Выступление Президента Украины на общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций / Президент Украины | Петр Порошенко. Официальное интернет-представительство. – URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-zagalnih-debatah-70-yi-sesiyi-36057> (17.02.2016).

в 1945 году активно участвовало в конференции в Сан-Франциско...». Следует отметить, что Украина стала членом ООН только в 1991 году, а до этого момента Украинская ССР, будучи одной из республик в составе Советского Союза, субъектом международных отношений не являлась, и говорить о значительной роли Украины в учреждении Организации, как минимум необоснованно.

Повторное обращение к господину Люккеттофту как бы выстраивает между ним и президентом Украины личное общение и стирает коммуникационные границы. В ходе дальнейших рассуждений Петр Алексеевич вновь и вновь продолжает обращаться именно к нему (в речи 8 раз фигурирует обращение «господин Председатель»).

«К сожалению, я также выступаю от имени государства-члена ООН, в настоящее время страдающего от жестокого унижения основных целей и принципов Устава ООН», – употребление стилистически окрашенных слов (к сожалению, страдающего, жестокого унижения) позволяет снова апеллировать к чувствам слушателей.

«... сегодня я должен напомнить, что моя страна стала объектом внешней агрессии. На этот раз агрессором является Россия – наша соседняя страна...» Не секрет, что во внутренней политике Украины существует комплекс социально-экономических проблем, но лейтмотив речи Порошенко – агрессия Российской Федерации, поэтому технология напоминания «об угрозе со стороны врага» действенна и позволяет акцентировать внимание аудитории (в частности, жителей самой Украины) на вопросах внешней политики. Особенно ярко в данном контексте звучит словосочетание «моя Украина», в дальнейшем многократно повторяемое Петром Порошенко. Оно несет в себе не только тактику солидаризации со своим государством, но и мысль о патриотизме президента.

Говоря о Российской Федерации, президент Украины употребляет особые формы слов, в частности глаголы и причастие в прошедшем времени: «бывший стратегический партнер, который юридически обязывался уважать суверенитет,



территориальную целостность и неприкосновенность границ Украины. Эта страна была гарантом безопасности Украины согласно Будапештскому меморандуму...» Использование данных приемов свойственно для манипуляционной технологии: фактически Порошенко говорит, что Россия была гарантом мира, но превратилась в страну-агрессора. Кроме того открыто проявляется недоверие, пренебрежение и дистанцированность в отношении РФ, проявившиеся в употреблении указательного местоимения «эта».

Интересно отметить, что Петр Порошенко, говоря, что «цель этой [развязанной Россией] войны – заставить украинский народ отказаться от своего суверенного выбора по построению свободной, демократической и процветающей европейской страны» однозначно дает понять: Украина видит себя именно европейским государством со свойственными ему ценностями (тактика отождествления). Кроме того необходимо отметить: исследователи полагают, что слово «демократия» уже само по себе содержит «магическое воздействие на толпу»<sup>83</sup>, а значит, априори не может употребляться в нейтральном контексте.

Лидер Украины многократно использует тактику открытого обвинения, тем самым дискредитируя Россию перед лицом мирового сообщества. Например: «Для того чтобы ввести в заблуждение международное сообщество, российские власти предписывают снимать шевроны своих военнослужащих и опознавательные знаки военной техники, ... цинично использовать мобильные крематории, чтобы устранить следы своих преступлений на украинской земле». Достаточно часто в речи Петра Порошенко встречаются необоснованные оценки – подмена объективной оценки субъективной позицией. В таких случаях сложное проблемное событие однозначно и бездоказательно преподносится так, как того хочет говорящий.

Известно, что Президент России Владимир Путин во время выступления на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложил западным странам создать международную антитеррористическую коалицию и с ее помощью

---

<sup>83</sup> Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. URL: <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>. (20.02.2016).

урегулировать сирийскую ситуацию. Петр Порошенко не верит в искренность заявлений с российской стороны и обвиняет Россию в лживости намерений, что подтверждается следующей цитатой: «Прекрасно сказано, но в это очень сложно поверить! Как вы можете призывать к формированию антитеррористической коалиции, если вы поощряете терроризм прямо перед своей дверью? Как вы можете говорить о мире и законности, если ваша политика – война с помощью марионеточных правительств?» и т. д. Синтаксический параллелизм не только позволяет выстроить предложения с помощью противопоставлений, но и усиливает эмоциональность речи президента Украины. Обвинительные тезисы в сторону России продолжают и далее: тезис за тезисом Петр Порошенко формирует образ России как врага, используя для этого дискурсивную технологию диффамации «чужого».

Президент Украины продолжает дискредитацию врага и выводит рассуждения на новый уровень. В своих заявлениях Порошенко представляет РФ как «общего врага», с которым необходимо бороться: «Я хотел бы обратить ваше внимание, что это не в первый раз, когда постоянный член Совета Безопасности ООН подрывает мир и безопасность на региональном и международном уровнях... На самом деле, для того, чтобы сохранить свое влияние в соседних странах, Россия в течение многих десятилетий сознательно создавала вокруг себя пояс нестабильности... Кремль идет дальше, и в эти дни российские «зеленые человечки» ступают на сирийские земли. Что или кто следующий?» Пытаясь убедить аудиторию в собственной точке зрения, Петр Порошенко применяет прием «выпячивания» («хотел бы обратить внимание, что это не в первый раз...»). Перифраза «зеленые человечки», означающая солдат российской армии фокусирует внимание аудитории на одной характеристике объекта: Россия как олицетворение военных действий (военная метафора). Наличие риторического вопроса не только выражает желание президента расширить эмоциональность высказывания и вовлечь слушателей в процесс рассуждения. Задавая подобный вопрос, он как бы намекает, что жертвами растущих российских амбиций обязательно будет кто-то еще.

Вообще политики любят указывать на чрезвычайные события, различные критические ситуации, несущие угрозу народу. Порошенко пытается запугать аудиторию неутешительными прогнозами развития мировой обстановки, причиной которых является безнаказанность действий России на международной арене.

Тактика признания существования проблемы тесно связана с приемами апологизации своего и диффамации чужого: «Мы должны признать, что в XXI веке нашей Организации не хватает эффективных инструментов, чтобы привлечь страну-агрессора, которая украла территорию другого суверенного государства, к ответственности». «Мы» – как страны, ратующие за мир, и «страна-агрессор», развязывающая военные конфликты. Слово «украла» несет негативную коннотацию и выстраивает ассоциацию «Россия – вор».

Следует отметить, что Петр Порошенко по-разному называет конфликт между Россией и Украиной:

- «бездумная военная авантюра»,
- «прямое военное вторжение»,
- «агрессивная война против моей страны»,
- «незаконная российская аннексия Крыма»,
- «это не гражданская война и не внутренний конфликт»,
- «оккупация»,
- «преступление»,
- «желание вернуться к имперским временам со сферами влияния»,
- «отчаянная попытка самоутвердиться за счет других».

Подобные метафоры, эвфемизмы и перифразы содержат указание на то, что инициатором, источником конфликта выступает некая внешняя сила. В данном конкретном случае – Российская Федерация.

Украинский президент несколько раз в своей речи называет присоединение Крыма к России аннексией – насильственным и незаконным присоединением территории другого государства, а организованный в Крыму референдум – «смехотворным», акцентируя внимание на несерьезности и

нелепости произошедшего. С помощью такого эпитета Порошенко представляет прошедший референдум как мероприятие, которому свойственны уловки и приёмы введения как мирового сообщества, так и населения Украины в заблуждение. Лидер Украины демонстрирует исключительную информированность и осведомленность о порядке проведения референдума: «Я лично как парламентарий Украины тогда был, когда говорилось, что вроде бы прошло голосование по объявлению этого смехотворного референдума. Не было никаких членов парламента, были только российские солдаты, которые окружили парламент Крыма». Произнесение сначала подряд двух слов в отрицательной форме («не было никаких»), а потом глагола в утвердительной форме с указательной частицей («были только») позволяет Петру Порошенко убедительно доносить свою точку зрения по вопросу действий России в Крыму.

В следующем отрывке применяются сразу несколько дискурсивных тактик: оппозиционирования, критики и обвинения: «Во второй раз Россия наложила позорное вето на проект резолюции о создании Международного трибунала для расследования и привлечения к ответственности всех виновных в сбивании малайзийского самолета МН17... Я считаю, что каждый в этом зале хорошо понимает реальные мотивы вето России по трибуналу по МН17». Употребляя в речи слово «позорное» Петр Порошенко обвиняет РФ не только в злоупотреблении своим положением в Совете Безопасности ООН, но и в отказе от установления истины. Формулировка «каждый в этом зале» (тактика единения) усиливает контактность речи, подчеркивает очевидность преподносимой информации, создает впечатление общности взглядов говорящего и аудитории.

«Украина выступает за постепенное ограничение права вето с последующим его отменой... Состав членства в СБ ООН должен отражать реалии XXI века, представляя большее количество стран Африки, Азии и Латинской Америки». В этих словах кроется тактика указания на решения проблемы: подобные реформы не позволят, по мнению Петра Порошенко, праву вето «стать актом прощения за преступление, которое можно

использовать в любое время и «извлечь из рукава» для того, чтобы избежать справедливого наказания». Разговорная лексика успешно передает эмоциональную оценку ситуации президентом Украины, а с точки зрения возможностей воздействия на сознание аудитории тексты с разговорными лексемами – эффективный инструмент убеждения. Кроме того, формулировка «извлечь из рукава» несет в себе аспект неожиданности, бесконтрольности и безнаказанности действия, которое, по мнению Петра Порошенко, может совершить объект обвинения.

«Свобода, мир, уважение суверенитета и территориальной целостности – Украина не требует большего. Тем не менее, Украина не удовлетворится меньшим», – все новые и новые требования, выдвигаемые Петром Порошенко, говорят о его непримиримости с другой стороной конфликта. Однородные члены предложения здесь очень уместны, поскольку усиливают эмоциональное воздействие высказывания, а комиссивы («не требует большего – не удовлетворится меньшим») подчеркивают бескомпромиссность президента в вопросах национальных интересов Украины и готовность придерживаться определенной линии поведения.

«Господин председатель, к сожалению, не по своей воле (эмоциональное окрашенные слова выражают эмоциональную оценку говорящего и переводят вину на третье лицо) Украина сегодня является одной из зон борьбы с террористической угрозой... Я твердо верю (выражена собственная оценка, уверенность говорящего в обоснованности своих суждений), что одним из важнейших (прилагательное в превосходной форме придает значимости высказыванию, подчеркивает важность поднятой темы) аспектов борьбы с терроризмом является сохранение и обмен памятью о жертвах» (использована тактика обращения к эмоциям адресата).

«Именно поэтому интересы каждого отдельного человека и защита прав людей заложили фундамент для моей (подчеркнута инициативность и личная роль президента в вопросах реформирования Украины) программы крупномасштабных реформ... Украина приняла Национальную стратегию по

правам человека. Она учла лучшие международные практики по правам человека, в том числе стратегические рамки ЕС (обращение к европейскому опыту по проблемам обеспечения прав человека как реализация тактики солидаризации) по правам человека и демократии». Порошенко в положительном контексте рисует практики, применяемые странами Евросоюза, и отождествляет Украину именно с развитыми европейскими странами. И если мировое сообщество продолжает продвигаться вперед в вопросах совершенствования международного права, то Россия, с точки зрения президента Украины, всячески мешает этому процессу.

Необходимо сказать, что в дискурсе президента Украины отдельным столпом стоит тема терроризма. Здесь удалось выявить следующие особенности. Президент Украины на протяжении речи выстраивает две линии. Сравните:

1. Образ Украины, выбравшей путь свободы и демократии, защиты и уважения прав человека и заплатившей за это кровью своих людей («выбора по построению свободной, демократической и процветающей европейской страны»; «свобода, мир, уважение суверенитета и территориальной целостности – Украина не требует большего»; «Украина заплатила и продолжает платить чрезвычайно высокую цену за свою свободу и право жить в свободной стране – цену человеческой жизни»; «Украина больше всего нуждается солидарности и помощи, которая на самом деле является мощным инструментом против несправедливости. Я уверен, что мы победим, потому что истина на нашей стороне» и т. д.)

2. Образ России – страны, делающей ставку в решении любых вопросов на силу, поощряющей и распространяющей терроризм («это не единственная «гибридная» война, которую развязала Россия»; «российская агрессия против моей страны продолжается уже более 20 месяцев через финансирование террористов и наемников»; «как вы можете призывать к формированию антитеррористической коалиции, если вы поощряете терроризм прямо перед своей дверью?»; «в течение этого периода более чем 8000

украинском, из которых около 6000 мирных жителей, погибли от рук террористов и оккупантов на Донбассе»; «юрисдикция этих институтов является ключевым элементом преодоления безнаказанности фактических нарушителей, а также их покровителей – режимов, чья национальная политика стала массовым производством террора»). Петр Порошенко требует «освободить всех украинских граждан, которых они [российские власти] держат в заложниках». Упомянув имена Надежды Савченко, Олега Сенцова, Александра Кольченко, президент Украины называет их «незаконно осужденными», «политзаключенными» и, наконец, «заложниками». Слово заложник несет в себе негативную коннотацию. Оно, прежде всего, актуализирует в сознании основное свое значение: человек, захваченный с какой-либо целью (и, чаще всего, захваченный именно террористами, в данном конкретном случае захваченный российскими властями). Данная коннотация отражает не столько сам предмет речи, сколько определенное отношение к нему и явлению терроризма, в контексте которого значение слова «заложник» и раскрывается. Далее президент Украины говорит: «Я твердо верю, что одним из важнейших аспектов борьбы с терроризмом является сохранение и обмен памятью о жертвах». А поскольку упомянутые Порошенко имена относятся им к категории жертв, становится очевидным, что Россия ассоциируется им именно с террором.

В целом лидер Украины формирует образ РФ как противостоящей не только его стране, но и всему мировому сообществу. Подчеркивая деструктивную роль РФ в вопросах миропорядка, Порошенко в негативном контексте продолжает дискредитацию врага. Используя тактику обвинения, теперь он говорит об информационной войне, развязанной, по его мнению, Россией: «Шитые белыми нитками новости, откровенная ложь, которая распространяется для оправдания агрессии, пропаганда нетерпимости и насилия...» Ироничная разговорная формулировка «шитые белыми нитками» означает что-либо неумело скрытое. Фактически президент Украины говорит, что СМИ контролируются властями, а новости фиктивно создаются.

Далее рассуждения Петра Порошенко, казалось бы, несколько меняют свой вектор: украинский президент поднимает тему экологической безопасности и защиты окружающей среды: «Мы должны понимать (тактика единения), что цена этого вопроса – безопасность будущих поколений и устойчивое развитие человечества» (тактика учета ценностных ориентиров аудитории). Однако Порошенко использует это отступление для плавного перехода к рассуждениям о результатах российской агрессии, какими украинский президент считает риск экологической катастрофы на Донбассе: «Безответственное и преступное затопление шахт террористами привело к отравлению питьевой воды, почвы, флоры и фауны региона; атмосфера загрязняется из-за взрывов и обстрелов...»

Дважды (в начале и в конце выступления) Порошенко апеллирует к религии: используется тактика учета ценностных ориентиров адресата. Когда украинский президент приводит цитату из Евангелия от Иоанна «Вначале было слово» он задает вопрос, адресованный российскому руководству: «Но какое Евангелие вы несете в мир, если все ваши слова лживы?» Завершается же речь Петра Порошенко словами «Пусть Господь поможет нам. Слава Украине!» Применяя аллюзию на библейский сюжет, автор высказывания фактически говорит этим следующее: «РФ идет против нас, а значит и против Господа, так как Бог и правда на стороне Украины». Намек, выраженный аллюзией, позволяет выразить истинное намерение говорящего в иносказательной форме.

Подводя итоги, следует сказать, что рассуждение по любому вопросу (террористическая угроза, опасность экологической катастрофы, проблемы международного масштаба) Петр Порошенко сводил к теме «российской агрессии». Широкою реализацию в его выступлении получили планомерная дискредитация и диффамация Российской Федерации и ее руководства, в результате которых происходит внедрение оценок и формируется негативный образ России как врага через концепты «Россия – террорист», «Россия – вор», «Россия – угроза мировой стабильности». Навешивание подобных ярлыков отражает установку Петра Порошенко, прежде всего, на конфликтное общение,



отказ от поиска совместного решения проблем. Данный тезис подтверждается также и тем, что делегация Украины во главе с президентом страны покинули зал Генеральной ассамблеи в начале речи лидера России, тогда как присутствовали там во время выступлений, предшествовавших появлению за трибуной Владимира Путина.

Проведенный анализ позволил установить, что в соответствии целью прямой критики в дискурсе Петра Порошенко применяется ряд манипулятивных стратегий, обращенных в первую очередь к эмоциональной стороне человека. Так, выдвигая обвинения против России, никаких аргументов президент Украины не приводит, зато активно использует эмоционально окрашенную лексику и разговорные выражения, придающие его речи особую экспрессию.

Достигнуть цели дискредитации «врага» и выстроить оппозицию «мы – они» получается при применении технологии контрастного анализа. Сравните:

1. «Российская агрессия обострила проблему обеспечения прав человека... Ведущие международные правозащитные организации предупреждают мир о радикальном ухудшении ситуации с правами человека... Я имею в виду практику, которую использует оккупационные власти Крыма, чтобы силой заставить людей принять гражданство Российской Федерации, систематические преследования, аресты, похищения и убийства проукраинских жителей полуострова...» (используются тактики обвинения и критики действия российских руководителей).

2. «Украина подтверждает свою приверженность Декларации ООН о правах коренных народов. Всеми законными средствами мы будем продолжать защищать права крымских татар – коренного народа Украины, и украинцев, страдающих от репрессивной политики оккупационных властей на Крымском полуострове» (тактики солидаризации и обещания).

«Я горжусь тем, что Украина имеет международную репутацию активного и преданного соучастника миротворческих операций ООН. Несмотря на внешние вызовы, мы остаемся надежным партнером Организации в этом

благородном деле». Употребление эмоционально окрашенных слов (горжусь, преданного соучастника, надежным партнером, благородном деле) создает вокруг Украины образ государства, приверженного и верного основным ценностям ООН. Для подкрепления этой позиции, украинский президент часто апеллирует к авторитетным мнениям, в том числе президентов других стран. Многократно подчеркиваемая солидарность Украины и западных государств по различным вопросам, создает ощущение, что Петр Порошенко заискивает перед ними, ожидая покровительства и защиты. Так, неоднократно замечая, что Украина «благодаря своим огромным человеческим и материальным ресурсам может внести [значительный вклад] в поддержание глобальной безопасности», Петр Порошенко просит у ООН поддержки в вопросе урегулирования конфликта на территории своей страны («я обращаюсь к Генеральной Ассамблее с просьбой решительно осудить эти позорные явления...»; «я также выступаю от имени государства-члена ООН, в настоящее время страдающего от жестокого унижения основных целей и принципов Устава ООН»; «я глубоко благодарен делегациям большинства государств-членов нашей Организации, которые в прошлом году поддержали резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН под названием «Территориальная целостность Украины»). Многочисленные лексемы с семантическим значением просьбы позволяют утверждать, что президент Украины произносит речь с позиции слабого, ищущего покровительства и надеющегося на помощь.

Интересно отметить, что Петр Порошенко, выступая с трибуны Генассамблеи, говорил исключительно по-английски, и его послы, прежде всего, был адресован тем, кому переводить не нужно.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе выполнения исследовательской работы были рассмотрены различные подходы отечественных и зарубежных исследователей к пониманию дискурса, на основании которых нами было выделено два основных направления. Согласно первому дискурс – это определенная последовательность высказываний, особая организация частей текста, связанных между собой по смыслу. В соответствии со вторым – это форма выражения, цель которого – передача адресату информации выгодной адресанту. Данный подход нашел отражение в работе, поскольку, на наш взгляд, он особенно эффективен при анализе дискурса как способа воздействия на сознание аудитории путем особых речевых приемов и технологий.

Политический дискурс был представлен нами как явление, тесно связанное с определенными историческими и социальными условиями, как особый вид дискурса, реализующийся в сфере внутри- и внешнеполитической деятельности через статусно-ролевые отношения, обладающий высокой коммуникативной направленностью и ориентацией на речевое воздействие. Среди основных его функций мы назвали оказание воздействия на аудиторию и управление восприятием действительности через убеждение и формирование оценок.

В ходе работы были охарактеризованы различные дискурсивные практики и определены возможности их реализации на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях текста. Среди таких практик мы выделили коммуникативные стратегии и тактики, языковые приемы и изобразительные средства, к которым прибегают политики в процессе политической коммуникации.

Анализ политического дискурса глав государств, как ключевых участников мировой политики, представляет особый интерес, а дискурсы Владимира Путина, Барака Обамы и Петра Порошенко обратили на себя

непосредственное внимание, поскольку между Россией, Соединенными Штатами Америки и Украиной сложился неразрешенный к настоящему моменту узел проблем. Речи, произнесенные с трибуны Генассамблеи в сентябре прошлого года, дали президентам возможность быть услышанными за пределами своих государств и донести послы до мировой общественности. В выступлениях названных политических лидеров нам удалось выявить различные приемы речевого воздействия.

Так, в выступлениях всех трех президентов широко используются тактики диффамации и дискредитации врага. Реализуются они через приемы контрастного анализа, с помощью которого происходит противопоставление смысловых отношений между высказываниями в тексте; гиперболизации как собственных достоинств, так и отрицательных сторон «чужого»; метафоризации и «навешивания ярлыков». Характерная для политического дискурса агональная функция отражает борьбу государств и их лидеров за престиж и влияние на международной арене.

Речи президентов России, США и Украины имеют яркую эмоциональную окрашенность: апеллирование к чувствам адресатов, повторения, параллельные конструкции, прилагательные в превосходной форме, – все это придает выступлениям яркое убедительное звучание.

Политические лидеры активно прибегают к тактике призыва, которая реализуется посредством апеллирования к мнениям третьих лиц, выражения просьбы, демонстрации особой роли адресанта, обобщений, контрастного анализа, акцентирования положительной информации. Однако цели подобных призывов со стороны лидеров России, США и Украины различны.

Многочисленные призывы, указания пути на решения проблем, реализуемые с помощью соответствующих лексических и грамматических средств в речи Владимира Путина, демонстрируют его стремление к расширению сферы общих интересов, поиску компромиссов, в то время как призывы Барака Обамы к совместной работе стран-членов ООН необходимы, чтобы действия США на мировой арене не выглядели волонтаристски, а были

подкреплены аналогичными позициями партнеров. Лексемы с семантическим значением просьбы наряду с нарочито подчеркнутой солидарностью Украины и западных государств по различным вопросам, создают ощущение, что Петр Порошенко заискивает перед ними, ожидая покровительства и защиты.

Отличительной особенностью речи Владимира Путина является использование тактики безличного обвинения и, как следствие, употребление широких по своему значению лексических единиц.

Речь Барака Обамы отличается особой метафоричностью. В ходе анализа удалось выделить некоторые концепты, получающие отражение в выступлении американского президента. Например, «мир» = «все человечество»; «движение вперед» = «хорошо/прогресс»; «движение на месте, назад» = «плохо/регресс»; «американский путь развития – эталон демократии». Подобная метафоризация позволяет успешно реализовывать тактики солидаризации и единения и в то же время сделать акцент на особой роли США в распространении демократических идеалов в мире.

Использование различных речевых приемов позволило Петру Порошенко выстроить несколько концептов вокруг Российской Федерации: «Россия – террорист», «Россия – вор», «Россия – угроза мировой стабильности». Подобные ярлыки отражают установку Петра Порошенко, прежде всего, на конфликтное общение, отказ от поиска совместного решения проблем.

Чрезмерное акцентирование внимания Барак Обамой на положительной информации, «выпячивания», гиперболизация, высокопарные рассуждения о достоинствах американского пути развития, позволяют сделать вывод об использовании лидером США демагогических и манипулятивных приемов. Последние были обнаружены нами также и в дискурсе Петра Порошенко.

Различные технологии, языковые приемы и средства формируют особый дискурс каждого президента. Так, Владимир Путин произносит свою речь с позиции «родителя», ответственного за судьбы других народов, стремящегося оказать нуждающимся любую необходимую поддержку. Отличительной чертой

выступления Барака Обамы является дискурс «взрослого». Им широко используются выражения, подчеркивающие его лидерскую позицию, сознательность, надежность. Президент Украины же Петр Порошенко произносит речь с позиции «ребенка» – слабого, ищущего покровительства и надеющегося на помощь.

Выполнение всех поставленных задач позволило, таким образом, реализовать основную цель данной работы – выявить технологии дискурсивных практик в выступлениях лидеров России, США и Украины на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Полученные результаты могут использоваться для разработки академических курсов по политическому дискурсу и политической коммуникации, а также представлять особый интерес для спичрайтеров, имиджмейкеров, политических консультантов и специалистов по связям с общественностью.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

### Книги и периодические печатные издания

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 688 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Карасика В. И., Трошиной Н. Н. Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
4. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. —194 с.
5. Герасимов В. И., Ильин М. В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. 2002. № 3. С. 68-75.
6. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32-43.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. Пер. с фр. Д. Ю. Крылечкина. М.: Академический проект, 2000. – 495с. – («Концепции»).
8. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2000. – 250 с.
9. Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Волгоград, 2001. – 193 с.
10. Клюев Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 263 с.

11. Коновалова Т. А., Орлова О. Г. Политический стиль В. В. Путина как элемент дискурс-анализа (на примере выступления в рамках встречи Валдайского клуба) // Альманах современной науки и образования, Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (96). С. 88-90.
12. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Составитель, отв. ред. Г. К. Косиков. Пер. с фр. Г. К. Косиков и Б.П. Нарумова. М.: РОССПЭН, 2004. – 265 с.
13. Кристева Ю. Семиотика. Исследование по семианализу. М.: Академический Проект, 2013. — 289 с.
14. Купина Н. А. Филологический анализ художественного текста / Н.А. Купина, Н. А. Николина – М.: Флинта, 2003. – 205 с
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
16. Левшенко Ю. И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 100-108.
17. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. – 256 с.
18. Моргун О. М. Критический дискурсивный анализ в методологии политической науки // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29.09-6.10.2011) / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2011. – С. 188-189.
19. Негров Е. О. Официальный политический дискурс в современной России: стратегии развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, т. 5, № 4. СПб., 2009. – С. 105-114.



20. Никишина Т. И. Функции политического дискурса как основные пути манипуляции политическим сознанием // Язык. Культура. Общество. Вып. 3. Саранск: 2011. – С. 119-121.

21. Парастаев Г. Н. Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе (на примере публичных выступлений политических деятелей США) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. Вып. 3, 2011. С. 97-103.

22. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2005. – 325 с.

23. Пеше М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 302-336.

24. Пугина Е. И. Применение критического дискурс-анализа в исследовании новых религиозных движений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки, 2011. №4 (24). С. 48-52.

25. Пушкарева Г. В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественные науки и современность. Российский политический процесс, 2013. № 5. С. 90-100.

26. Пушкарева Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода: автореф. ... дис. д-ра политич. наук: 23.00.01. – М., 2004. – 43 с.

27. Русакова О. Ф., Ишменев Е. В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 36-48.

28. Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 26-43.

29. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. № 17. С. 170-194.
30. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 57-62.
31. Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н.Фэркло) // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 145-150.
32. Трахтенберг А. Д. Возможен ли «демократический дискурс»? (к вопросу о дискурсивном анализе массовой коммуникации в современной политической науке) / предисл. к статье Н. Карпентье, Л. Ли, Я. Сервэ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 58-66.
33. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
34. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. – 416 с.
35. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. - СПб.: Наука, 2004. – 432 с.
36. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб: Наука, 2008. – 424 с.
37. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: Пер. с нем. / Под ред. Складнева Д. В., СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
38. Чайковский Д. В. Манипулятивный дискурс как способ воспроизводства власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 185-188.

39. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
40. Шакова Б. М. Различные подходы к исследованию политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (27). 2013. Ч. 1. С. 195-197.
41. Crystal D. A. A dictionary of Linguistics and Phonetics. / David Crystal. – 6th ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. Vol. 6. 529 p.
42. Fairclough N. Language and Power. L.: Longman, 1989. – 259 p.
43. Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. Vol. 28. №1. P. 1-30.
44. T. van Dijk. Discursive analyzes of news // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research / Edited by K.Bruhn Jensen. L: Longman, 1999. Vol. 5. P. 32-37.

#### Источники на электронных носителях

45. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского лингвистического университета. 2000. С. 220-231. – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/-\\_vestniki\\_journals/9999-0200\\_West\\_MO\\_2003\\_1/22.pdf](http://www.unn.ru/pages/-_vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/22.pdf). – Загл. с экрана (23.01.2016).
46. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>. - Загл. с экрана (20.02.2016).
47. Пустовар Е. А. Роль комического в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Лаборатория Информационно Психологических Технологий Александра Потеряхина, 2016. – Режим доступа: <http://labipt.com/comic-role-in-political-discourse/>. – Загл. с экрана (14.03.2016).

48. Пустовар Е. А. Функционирование эмоционально-оценочной лексики в политическом тексте [Электронный ресурс] // Лаборатория Информационно Психологических Технологий Александра Потеряхина, 2016. – Режим доступа: <http://labipt.com/operation-emotionally-estimated-lexicon-of-political-text/>. – Загл. с экрана (19.03.2016).

49. Самсон Н. М. Как Путин завербовал Крым: Анализ речи 18 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Лаборатория Информационно Психологических Технологий Александра Потеряхина, 2016. – Режим доступа: <http://labipt.com/Как-Путин-завербовал-Крым-Анализ-речи-1/>. – Загл. с экрана (08.02.2016).

50. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2001. – 238с. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#20>. – Загл. с экрана (19.01.2016).

51. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 10.02.19 - М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной библиотеки). 434 с. Режим доступа: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf>. - Загл. с экрана (30.01.2016).

52. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>. – Загл. с экрана (10.03.2016).

53. Выступление президента США Барака Обамы на Генеральной Ассамблее ООН [Электронный ресурс] / ИноСМИ. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150930/230544021.html>. - Загл. с экрана (25.03.2016).

54. Выступление президента Украины на общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] / Президент Украины | Петр Порошенко. Официальное интернет-представительство. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/ru/news/vistup>

prezidenta-ukrayini-na-zagalnih-debatah-70-yi-sesiyi-36057. – Загл. с экрана (17.02.2016).

55. Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/index.html>. - Загл. с экрана (01.03.2016).

56. Chalaby J. K. Beyond the prison-house of language: Discourse as a sociological concept [Электронный ресурс] // The British Journal of Sociology. Vol. 47. No. 4 (Dec. 1996). P. 684-698. Режим доступа: [https://www.researchgate.net/publication/270192993\\_Beyond\\_the\\_Prison-House\\_of\\_Language\\_Discourse\\_as\\_a\\_Sociological\\_Concept](https://www.researchgate.net/publication/270192993_Beyond_the_Prison-House_of_Language_Discourse_as_a_Sociological_Concept). - Загл. с экрана (17.02.2016)

57. Chia R. Discourse analysis as organizational analysis [Электронный ресурс] // Organization. London. Vol. 7 (3). P. 513-518. – Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.457.2745&rep=rep1&type=pdf>. – Загл. с экрана (18.02.2016).